

Трельяж с видом на море

Вера Чиркова

Цвет победы

«Чиркова Вера Андреевна»

2015

Чиркова В. А.

Цвет победы / В. А. Чиркова — «Чиркова Вера Андреевна»,
2015 — (Трельяж с видом на море)

ISBN 978-5-699-81847-1

Никогда не собирался Костик ввязываться в разборки правителей чужого мира, да и зачем ему нужны были чужие проблемы, когда и своих достаточно? Однако интересы морян, на равных принявших неудачника в свою семью, вовлекли его в интригу, странным образом совпавшую с тайным влечением души. Вставленный в дешевый медальон крохотный портрет девушки, с первого взгляда покорившей сердце землянина, неожиданно обратился в призыв о помощи. Да и нашедшиеся братья, а следом за ними и мать оказались по эту же сторону баррикад, и маленькому отряду поневоле пришлось вступить в неравную борьбу.

ISBN 978-5-699-81847-1

© Чиркова В. А., 2015

© Чиркова Вера Андреевна, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вера Чиркова
Трельяж с видом на море. Цвет победы

© Чиркова В., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Стан сразу заметил волны беспокойства и огорчения, гуляющие в ауре матери, стоило ей появиться на пороге. Но спрашивать ничего не стал, просто кивнул Ярославе на кресло и снова задумчиво уставился на укрывавший стол гобелен с изображением карты Сузерда. Ма и сама расскажет немного погодя, чем так расстроена – собственными мыслями или последней невесёлой новостью, которую кто-нибудь по доброте душевной уже небось успел вывалить ей на голову.

Слава послушно кивнула сыну и, не имея никакого желания заводить при посторонних разговор на тревожащие её темы, прошла к своему месту, взглянув по пути в окно, за которым снова лил унылый дождь. Передёрнув от отвращения плечами – из всех дождей она любила только грозу и яростные летние ливни, – землянка с затаённым вздохом устроилась в роскошном кресле, свидетельстве лицемерной заботы предателя о королеве Лиокании.

Сидящая рядом Майка, кротко улыбнувшись, подвинула ей плетёный тугесок с ещё горячими калёными орешками, и от этой молчаливой заботы на сердце у Славы вдруг стало невероятно тепло. Неприятности и небольшие проблемы, минуту назад казавшиеся такими значимыми, вдруг стали пустяковыми и легковесными, как шелковистая ореховая шелуха. Слава на миг счастливо прижмурилась, а когда распахнула глаза, то поймала на себе изумлённый взгляд старшего, пытающегося понять, чему можно радоваться в такой нерадостный момент.

– Линел говорит, прибыл хотомар? – Королева морян ворвалась в комнату так энергично, словно это не она сидела пять минут назад с утомлённо обвисшими плечами.

Следом так же стремительно влетел Костик.

– Вот письмо, – подвинул к ней серебряный футляр Стан, – я прочёл. Они сейчас переоденутся, выпьют горячего чая и придут. Попали в самый дождь, промокли насквозь и еле дотянули, говорят, пришлось вылить всё разогревающее зелье на запасные пузырьники. Дрифона пришлось посадить на кухне, весь трясётся.

– Я его потом посмотрю, – отстранённо кивнула моряна, разворачивая послание и углубляясь в чтение.

– Быстро он отреагировал, – хмуро выдала русалка через минуту, расстроено бросая рулончик на стол, – даже я такого не ожидала. Пока никак не могу придумать, как можно всё исправить.

Тина, читавшая донесение из-за её плеча, сердито фыркнула, подхватила письмо и передала матери.

– Мы тут чуток посоветовались, – задумчиво сообщил командир, – и думаем, горячку пороть пока не стоит. Для начала нужно всё же поговорить с адмиралом, теперь у нас есть чем его переубедить. У него имеются преданные части, и все они элита. Каждый воин знает, чего стоят его гвардейцы, и вряд ли кто-то в здравом уме решится выступить против них.

Слава неверяще смотрела в сероватый тонкий листок, исписанный короткими, чёткими фразами, и в её душе разгорался смешанный с отчаянием гнев.

Сегодня на рассвете отряд наёмников хитростью, без боя, захватил королевский замок, принадлежащий старинному роду ле Амратион, с которым старый дядюшка королевы Лиокании, советник по финансовым вопросам Урдежис ле Мунгето, не имел никакого кровного родства. Отчим Лиокании, взятый когда-то к её матери консортом, приходился Урдежису всего лишь двоюродным старшим братом.

А морская королева и её союзники во главе с сыновьями Славы не успели совсем немного. Слишком хорошо сумел продумать и тщательно подготовить дворцовый переворот старый интриган Урдежис. Но старался он не для себя, Дагеберт действительно сказал правду. Захватчик провозгласил королём своего единственного сына, который только три дня

назад отпраздновал второе совершеннолетие, позволяющее вступать в брак. Это происходило, как точно помнила Слава, в семнадцать лет.

С раннего утра на площадях и рынках Дилла глашатаи во всеуслышание читали указы нового короля, в которых разоблачались самые сокровенные тайны Лиокании. Там были подробности, которые с таким трудом сумел выяснить захвативший приют отряд Стана. Сообщалось, что девятнадцать лет назад королева, как самая последняя простолюдинка, родила не одного принца, а двойню, принц Дагеберт давно калека, а во дворце его заменяет переодетая мальчиком сестра. И даже про явное помешательство самой королевы не забыл упомянуть коварный дядюшка, определённо желавший таким способом склонить на свою сторону общественное мнение.

Юный самозванец был настолько нагл и уверен в себе, что первым же указом великодушно обещал немедленно жениться на Адистанне и приставить к её матери и брату лучших лекарей, если они завтра же добровольно придут в Дилл и выдадут новому королю преступную шайку иномирянских шпионов.

– Хорошо, давайте допросим адмирала, – согласилась морянка и, внезапно обернувшись, пристально взглянула на иномирянку, – но сначала я хочу поговорить с тобой, Ярослава.

– Давай поговорим. – Лицо Славы было невозмутимо, но и Стан, и Конс сразу оторвались от изучения коврика и оглянулись на мать. – Но прежде я тоже должна кое о чём спросить у детей.

Конечно, женщина не могла не догадываться, чего так упорно добивается королева, и, если честно, решение уже приняла, да и особого выбора у неё не было. Но и не посоветоваться с сыновьями Слава не могла.

– Ма, – подошёл и присел рядом Стан, понимающе заглянув ей в глаза, – ты всё правильно решила, не сомневайся. И Юну тоже... бери с собой. А с Зорденсом я ещё поговорю... не нравятся мне его интриги.

– Это ты о чём? – не поняла Ярослава, но, взглянув на плотно сжатые губы сына, отступила, зная по опыту, ничего больше он не скажет... зато в утешение ответит на другой вопрос, и такой у неё как раз назрел. – Ладно, неважно, лучше скажи, чего вы там увидели у Геба... я сразу забыла спросить.

– А... – слегка помрачнел Стан, – это... даже не знаю, как объяснить, ты же уже знаешь, что я вижу ауры чётче, чем другие?! Собственная способность усилена образами, которые посылает Чудик... ты тоже сможешь это увидеть, только не сегодня. Геб вчера подстрелил унса, и он пока ещё не может работать на весь отряд. А Шайо тоже без энергии, вчера сначала вылечил Чудика, потом один следил за приютом, ещё и кошачий глаз для того голого урода таскал, чтобы не охотился за ним. Так вот про ауры. Тина пообещала вылечить его... помнишь? Я ожидал ответного всплеска надежды... или радости... на крайний случай недоверия. А в нём мелькнула ненависть, жгучая, как к самым заклятым врагам. Тина как раз пыталась прощупать величину его повреждений, я вижу по цвету ауры, когда она занимается целительством, и она тоже почувствовала этот всплеск, настолько силён он был.

– Действительно, странно, – задумчиво протянула Слава и внезапно обнаружила рядом со своим креслом замотанные в несколько слоёв паутины ноги русалки.

Подняла взгляд выше и увидела красивый голубоватый камушек, зажатый в перепончатой руке.

– Ну и куда его? – протянула ладошку Слава, мечтая только об одном, чтобы новое украшение не нужно было носить на шее, иначе скоро она сама себе будет напоминать папуаса.

– Смотри, – шагнула вперёд Тина и, подняв руку, показала внутреннюю сторону предплечья.

– О господи, – мгновенно расстроилась мать, – как же так?! Ты же всегда ненавидел всякие пирсинги и татушки?

– Ко всему привыкаешь, – хмуро пробурчал Костик, – одно утешает, мы тут все с такими ходим. Ну, кроме анлезийцев и Тароса, но они и так подданные двух государств. Кстати, мне камень поставили намного позже Стана, Конса и Майки, в тот день, когда я сбежал из адмиральского замка.

– Понятно. – Ярослава решительно закатала рукав и подняла руку. – Прошу.

Операция оказалась очень простой и почти безболезненной, через считанные мгновения землянка рассматривала новоприобретённое украшение, а моряна держала в пальцах камушек для Юны.

– Поздравляю! – объявила королева ещё через несколько секунд и ласково потрепала затылок по коротким волосам. – У меня прибавилось сразу две сестры, и я этому очень рада. А теперь займёмся адмиралом.

Кивнула блондину, неизвестно когда появившемуся в комнате, и направилась к креслу, стоящему в противоположном углу.

Следившая за этим манёвром Слава понимающе ухмыльнулась: с этой всё ясно. Собирается очаровать адмирала, внушить ему доверие. Да ради бога! Она, Слава, будет только за, если у королевы это получится.

Ну а если нет... Женщина бросила в рот остывший орешек и задумалась.

Как, с каких вопросов начать разговор с адмиралом, какие слова сказать, чтобы он не насторожился и не замкнулся? Она пока знала про него очень немного и не собиралась сейчас выяснять подробности биографии и характера туземца. Всё равно главное узнать не удастся, как правило, такие личности очень надёжно прячут действительно важные тайны.

Посомневавшись, Ярослава набросала в уме лишь самый приблизительный план, решив положиться на интуицию и многолетний опыт общения с самыми различными пациентами. От разговорчивых пенсионеров, пытающихся разом вывалить на вежливую докторшу сразу все свои проблемы, до хитрых симулянтов, собирающих справки для получения незаконной инвалидности. Про немногие неудачи, когда пациенты оказывались непроходимо тупы, злы и упрямы, Слава старалась никогда не вспоминать. Вынужденная с огорчением констатировать, что с теми, по чьим душам дружно потоптались уродливое воспитание, жестокая улица и равнодушные, беспробудно пьяные родители, бессильны любые методы разумного общения.

Однако прежде чем привели адмирала, в гостиную явились прибывшие на хотомаре помощники королевы. Сами они в столице не были, и послание, написанное одним из оставшихся в Дилле разведчиков, получили через третьи руки. Но зато видели встревоженных селян, разворачивавших назад хутов, везущих в столицу продовольствие, и ремесленников, тайком пробиравшихся подальше от города. Ещё они пересказали гулявшие среди жителей слухи, что, узнав о перевороте, торговые и пассажирские корабли поспешили покинуть бухту Дилла. Причём некоторые уходили, даже не собрав всех пассажиров и не догрузив оплаченные грузы.

Слушая доклад связных, Ярослава согласно кивала головой – всё логично. Судя по рассказам Линел, Сузерд всегда был сугубо мирным государством, заселённым спокойными и законопослушными охотниками, рыбаками, скотоводами и земледельцами. От мелких банд их защищали королевские войска, существенно увеличенные в последнее десятилетие в связи с обострившейся международной обстановкой, а спорные вопросы и тяжбы разбирали харифы шести крепостей, построенных в самых важных стратегических местах главного острова архипелага.

В противоположность хамширцам, местные жители никогда не отличались особой воинственностью и оружие носили лишь для защиты от грабителей и хищников. Ну и как атрибут знатного происхождения или высокого положения.

И можно было представить, как сильно испугал и насторожил аборигенов внезапный дворцовый переворот: и полнейшей неожиданностью, и невозможностью предугадать будущее. И в то же время сузердцы не могли не понимать и другое: сбрасывать со счетов почти всемогущего адмирала, всегда преданно защищавшего королеву, пока не стоит.

Дойдя в своих размышлениях до этого момента, Слава едва не подпрыгнула от волнения, сразу сообразив, что наконец-то нащупала важную деталь.

Странное дело, в королевских указах почему-то не было ни одного слова об адмирале, словно юный король и его коварный папаша заранее были уверены, что с ним не будет никаких проблем.

Однако вслух Ярослава ничего не успела сказать, в комнате резко воцарилась тишина. Женщина перевела взгляд туда же, куда смотрели её дети, и обнаружила стоящего в дверях Васта, а на шаг впереди него – мужчину средних лет, с головы до ног одетого в чёрное.

– Проходите, усаживайтесь поудобнее, ваша светлость, – ехидным голоском пригласила Тина, и по мелькнувшим на лицах присутствующих лукавым усмешкам Слава поняла – это маленькая месть Костика за нечто известное всем, кроме неё.

Инвард ле Бенедли как будто даже не услышал этого предложения, продолжая стоять и смотреть прямо перед собой отсутствующим взглядом.

Васт не очень вежливо подтолкнул его, заставив сделать пару шагов, плотно закрыл двери и направился к изящному диванчику, на котором сидела Тина.

В комнате стояла такая тишина, словно здесь никого не было, и даже лёгкая поступь блондина не сумела её нарушить.

Ходит неслышно, как тигр, невольно подумалось Славе, продолжавшей изучать лицо адмирала. Интересное, нужно сказать, лицо. Сухощавое и жёсткое, с высокими скулами и породистым, чутким и длинным носом, ограниченным отчётливыми складками. И губы характерные, резко очерченные, твёрдые, но не тонкие, поджатые в едва заметной насмешке. А вот в голубых глазах сквозь показное натренированное безразличие явственно сквозят чудовищная усталость и отчаяние.

Ярославе вдруг показалось, что она уже видела где-то и это лицо, и это отчаяние, она даже глаза на миг прикрыла и мотнула головой – отогнать наваждение. Но невероятное предположение, скользнувшее смутной тенью, уже разрасталось, тесня сложившиеся представления и совершенно по-иному расставляя акценты и приоритеты. И в то же мгновение рухнули предварительно придуманные планы разговора и растаяли заготовки фраз. Всё оказалось совершенно ненужным и пустым.

– Моряна... – распахивая глаза, выдохнула Слава, изумлённая открывшейся перед ней истиной, – ты догадалась? Или уже знала?!

– Кажется, начинаю догадываться, – из угла, где сидела королева, не чувствовалось никаких неприятных ощущений, стало быть, она пока не решилась включить своё умение, – но что делать в таких случаях... не представляю, сама понимаешь, у морского народа совсем иные порядки.

– Думаю, я знаю, – решительно поднялась с места Ярослава и виновато уставилась на Стана, следившего за их переговорами с живым интересом. – Кость, как ты смотришь, если мы тут поговорим узким кружком... очень уж деликатный вопрос?!

– Ма! – возмущённо возвала Тина и тут же смолкла, получив от клонов пару коротких, но очень красноречивых взглядов. – Эх, по голубой мечте... и сапогом... Пошли в столовую, Юна, чаю попьём, что ли.

– Васт, попроси кого-нибудь проводить сюда королеву, если она не отдыхает, – кротко распорядилась повелительница, и Славе на миг стало жаль блондина, он явно относил себя к тем, кто останется в кабинете.

Однако анлезиец и виду не подал, развернулся и вышел вместе со всеми, не произнеся ни слова.

Глава 2

– Меня зовут Ярослава, – подходя к столу, сообщила адмиралу землянка, но он сделал вид, будто сказанное не для него, – и я иномирянка. Поэтому ничего не знаю ни про ваши обычаи, ни про ваши законы. Даже пока не могу сказать точно, нравится ли мне тут или я буду искать способ вернуться домой. Но вот пара вещей, которые я услышала и увидела сегодня, меня разозлили просто невероятно.

Слава погладила рукой постеленный на стол гобелен, только теперь сообразив, почему эта вещица так заинтересовала её мальчишек. Искусно сотканный коврик был подробной картой города с крошечными замками, домиками, голубой лентой реки и белым орнаментом берегового прибоа.

Женщина разочарованно отвела глаза от гобелена, такие вещи нужно рассматривать вечерком у камина, в компании с хорошим рассказчиком, и успела заметить заинтересованный взгляд адмирала, мигом состроившего безразличное лицо.

– Так вот, две вещи... – продолжила она монолог с того же места, – и первая из них – напичканная под завязку депрессантами женщина... ещё довольно молодая и красивая, но ужасающе безразличная к своему внешнему виду. Монашеское платье, старушечья причёска... бегающий взгляд... это выглядит ужасно.

– Что такое «депрессантами»? – деликатно осведомилась моряна.

– Да, извините, я забываюсь, – поправилась Слава, – если проще – ей каким-то образом постоянно давали снадобья, которые действуют на нервную систему и вызывают умственные расстройства. Снова сложно? В общем – из неё старательно делали дурочку. Запуганную, неуверенную в себе и потерявшую всякий интерес к жизни. Всё, чем она жила и держалась, – любовь к сыну. Так вот этот мальчик и есть второй человек, за кого мне стало невыносимо больно и захотелось найти и наказать преступников. Впрочем... они уже и сами нашлись.

– Почему... вам так жаль этого жестокого уroda? – не выдержав, саркастически проскрипел адмирал.

– Мы с вами видим разные стороны одного и того же явления, – печально покачала головой Слава, – вы видите дерзкого избалованного парня, который стреляет невинных птичек и измывается над матерью и сестрой, а я – юного мальчика, которого отравили дымом, вызывающим галлюцинации... попросту – видения. Страшно представить, как, надышавшись этим дымом, он лез на башню спасать явившуюся ему в видениях незнакомку... как летел сверху на камни...

– Стойте... – Адмирал вдруг побледнел как мел. – Вы сейчас сказали... нет, этого не может быть! Вы ошибаетесь.

– Сказала, что парнишку специально отравили вызывающим видения веществом, подсыпав его в камин, – твёрдо сообщила Слава, глядя прямо в глаза адмирала уверенным взглядом, – он мне сам рассказал, я могу заставить человека поведать даже то, что он прочно забыл по чьему-то особому приказу.

– Я не про это... – Он даже головой мотнул от нетерпения и резко рванул высокий ворот рубашки. – Про сестру... откуда вы такое взяли? Она просто сирота из приюта... случайное сходство...

– Вот... – Стремительно скользнувшая к ним моряна сунула в руки адмирала лежащее на столе донесение.

Он пробежал его взглядом, нахмурился и начал читать медленнее и внимательнее. Лицо Инварда постарело разом на двадцать лет, складки возле носа залегли ещё глубже, лоб прорезала глубокая морщина.

– Какие меры вы предприняли? – дочитав послание, сухо и деловито поинтересовался адмирал, не замечая, как за его спиной в неслышно открывшуюся дверь неуверенно входит королева.

– Проходите, ваше величество, садитесь... вы снова у меня в гостях, – мягко, как несмышлёному ребёнку, предложила моряна и только после этого ответила на вопрос адмирала: – Хотомар прибыл всего несколько сороковин назад, и мы сразу позвали вас.

Адмирал, казалось, не услышал предназначенных ему слов; обернувшись резко, как от укуса, он пристально разглядывал покорно подходившую к стулу Лиоканию.

– Спасибо, – кротко пробормотала та, не обращая внимания ни на Инварда, ни на Славу, – я отчего-то плохо себя чувствую... кости болят, наверное, к дождю. Вы не знаете, где Свирт? Его нигде не видно. А ещё у меня пропала компаньонка, она умела так хорошо читать вслух...

– А где она брала книги, которые вам читала? – остро глянув на Славу, так же мягко поинтересовалась моряна.

– В королевской библиотеке... – вяло вздохнула Лиокания, – где же ещё. Дядюшка сам составлял списки... он очень начитанный человек, знает историю всех династий на двенадцать колен назад.

Ещё бы, специально небось изучал, ради желания избежать ошибок и повторов инцидентов, желчно ухмыльнулась Слава и вдруг встретилась глазами с горящим мольбою взглядом Инварда ле Бенедли.

– Что?! – не поняла его просьбы землянка, и тогда он, достав из кармана грифель, написал на обороте донесения несколько коротких слов.

– Да этого же и спрашивать не нужно, – сочувствующе вздохнула Ярослава, прочтя просьбу адмирала, – и невооружённым взглядом видно... вон зеркало, посмотрите внимательно.

– Своим глазам он не поверит... – скорбно вздохнула моряна, – придётся тебе всё-таки её спросить, Слава.

Да, этот и действительно не поверит, отчётливо понимала Ярослава, глядя на упрямо поджатые губы и подозрительный взгляд Инварда. Причём не поверит уже не в первый раз... и ничего особо удивительного в такой слепоте она, к великому своему сожалению, не находит. Подобные ситуации в различных вариантах Славе приходилось встречать едва ли не каждый день.

Как же странно и нелогично устроены люди! С древних времён и до сих пор описаны в книгах и рассказаны в сказаниях тысячи подобных трагичных случаев, и никого и ничему не научили чужие потери и обиды. Каждый раз, влюбляясь, и мужчины, и женщины совершают одни и те же ошибки. И в её родном мире, и в этом, далёком и враждебном, подавляющее большинство людей скорее поверит совершенно чужому человеку, откровенному подлецу или даже заклятому врагу, чем любимому и любящему существу.

И никто не поможет, и ничто не убедит, и даже если заставить всех поголовно читать на ночь «Отелло», как мантру, всё равно в час икс победу будет праздновать какой-нибудь подлец, а не очередная Дездемона.

– Ладно, – нехотя согласилась землянка, решив поступить по-своему, – я спрошу.

На повисшее перед её лицом простенькое украшение Лиокания сначала не обратила никакого внимания, но на предложение рассмотреть в нём нечто интересное, вежливо согласилась. А когда Славе стало ясно, что сознание королевы полностью под её контролем, землянка погрузила пациентку в гипнотический сон и задала вовсе не тот вопрос, ответ на который так ждал адмирал.

– В этих гранях можно увидеть прошлое, – монотонно рассказывала она королеве, – десять, пятнадцать, двадцать оборотов назад... ты молодая девушка, счастливая и влюблённая, ты ждёшь встречи с возлюбленным... шепчешь его имя...

– Инвард... – эхом отозвалась Лиокания, и по её губам солнечным лучиком скользнула счастливая улыбка.

– Вы встречались? Он говорил тебе о любви? Просил твоей руки? Вы целовались? Что случилось потом? – Ярослава упорно пыталась нащупать ключевой вопрос, найти тот злополучный миг, с которого минувшие события приняли трагический оборот, искалечивший их жизни.

Она так и не успела засечь, в какой момент королева перестала быть измученной и запуганной женщиной и превратилась в юную, живую и беспмятно влюблённую девушку.

– Он такой... – щебетала она, и по оживившемуся лицу растекался румянец, – сильный, умный, нежный... самый красивый.

– Вы говорили про свадьбу? – осторожно подтолкнула память пациентки Слава, и на лицо королевы мгновенно легла тень.

– Да... но нужно подождать... приказ подписан... на юге видели корабли рыжего Эгла... убийцы и грабителя... – Лиокания вдруг несчастно всхлипнула и доверительно шепнула, – как он не понимает... ждать нельзя... тогда, в башне... мы...

– Нужно было ему сказать... – попытка Славы прояснить ситуацию привела к короткому взрыву горького смеха, мгновенно сменившемуся торопливой, сумбурной и отчаянной тирадой.

– Я хотела... но рядом с ним постоянно вертится этот назойливый Ральдис... и госпожа Извета... какая наглость! Вешается на него прямо при всех... о, как больно... а я не могу даже подойти, проклятый этикет... и дядюшка... опять велел оказывать внимание этому усатому хамширскому послу. Договор с империей принесёт Сузерду немалую пользу... нужно только быть немного поучтивее... – Внезапно королева всхлипнула ещё горше. – Он уехал... как он мог? Даже не простился... я ничего не успела сказать... что же мне теперь делать? Скоро всё станет заметно... боги, какой позор... а он почему-то никак не едет... Ральдис уже вернулся... кампания закончилась удачно... Всё кончено... дядюшка проговорился, он заехал погостить в имение ле Шетгов... там Извета... она их племянница... О, боги, как же мне теперь жить? Не хочу... нужно найти выход... как я сразу не сообразила, пикник! Обязательно нужно ехать... там же полно обрывов... отпусти мою руку, тупой солдафон, как ты вообще посмел за мной следить?! Глупец, ты действительно решил, будто я случайно туда шла?! Ребёнок? Кто тебе мог сказать? Ещё никто... А, ты с Анлезии... понятно... ну и возвращайся туда! Лучше бы ты вообще никогда не приезжал на Сузерд... А давай договоримся, вот кошелек и кольца... и ты меня никогда не видел... Отпусти, умоляю... если в тебе есть хоть капля сочувствия, не отправляй меня на позор...

Рядом со Славой мелькнули какие-то тени, послышался шум борьбы, и она поспешила отправить королеву в более глубокий сон.

– В чём дело?

– Инвард немного погорячился... – Моряна без видимого усилия держала бледного и помятого адмирала в своих перепончатых лапах.

– У тебя есть успокаивающее зелье? – забеспокоилась Слава. – Нужно ему дать, это шок... немного успокоится и возьмёт себя в руки, он мужик крепкий.

– Я целительница, – вежливо напомнила моряна, – и без зелья обойдусь. Вот и всё, уже почти спокоен.

– Это бесполезно, – вяло сообщил адмирал, – я всё равно уже мёртв... таким дуракам не стоит жить. Объясните только ради всех богов... что же стало с моим ребёнком? Я не понимаю... Ральдис говорил, принц родился недоношенным, значит – этот – его.

– Ваши дети родились вовремя, – строго покачала головой Слава, – а за недоношенного Дагеберта принимали ошибочно. Двойняшки всегда рождаются намного мельче одиночек.

– Нет... не может быть... – Адмирал бормотал эти слова как заклинание, а в глазах уже горела адова смесь горя, ненависти, надежды и ещё бог знает чего.

– Ма, у вас всё в порядке? – вихрем ворвался в комнату встревоженный Стан. – Помощь не нужна?

– Иди сюда... – Ярослава шагнула к сыну, крепко обхватила руками за пояс, прижалась лицом к пятнистой куртке и ненадолго замерла, истово благодаря про себя богов всех миров за то, что в её трудный час тоже нашёлся равнодушный человек, который пришёл на помощь, помог не совершить непоправимого.

– Теперь можешь идти, – решительно отстранилась землянка через полминуты и благодарно улыбнулась, – я уже в норме. Мы скоро закончим разговор.

– Она же тебе сразу сказала, посмотри в зеркало, – с упрёком выговаривала адмиралу моряна, когда дверь за Станом закрылась. – Мне теперь только одно непонятно... почему никто не замечал, насколько вы похожи?! Нам, морянам, этого не видно, для нас все люди на одно лицо... пока не узнаем кого-нибудь получше.

– Да в том-то и дело, что, когда Геб подрос, некоторые начали замечать, – возвращаясь к пациентке, задумчиво сообщила Слава, – и первыми те, кто о чём-то догадывался или знал. Консорт, дядюшка Урдежис, кое-кто из придворных. Видимо, тогда советник и задумал эту гнусность с башней... торопился спрятать концы, пока до адмирала не дошла истина.

– Ну и как мне теперь жить? – в никуда опустошённо пробормотал Инвард. – Если я столько лет был слепцом и глупцом! Ещё и оскорблялся, глядя, как она кокетничает с этим увешанным золотом и камнями хамширцем! Считал это признаком природного легкомыслия и женской любви к побрякушкам. И сразу поверил сообщению, что, едва мы отправились ловить пиратов, она нашла взамен мне красавца анлезийца. А позже презирал Лио, когда она выбрала консортом не меня, а Ральдиса. Считал её холодной интриганкой, ради знатности рода променявшей меня на друга, предавшей и нашу любовь, и всё прекрасное, связывающее нас... А истинным предателем, оказывается, был я сам?!

– А вот Отелло и вовсе задушил свою жену, – в тон ему вздохнула Слава, – хотя несчастная женщина даже из дома не выходила. Просто один подлец украл у неё платочек и хвастал им как залогом любви.

– Это твой знакомый? – вежливо поинтересовался адмирал, на миг отвлекаясь от самобичевания.

– Можно сказать и так, – доверительно кивнула Слава, – его у нас все знают. И представь себе, знают все, а как только дело коснётся их самих, точно так же верят кому попало! Любому гаду, врагу, завистнику, но только не любимой женщине. Хотя есть очень простое и действенное средство – прийти и спокойно поговорить.

– Где ты была двадцать лет назад, – горько усмехнулся адмирал, – объяснить мне это?!

– В своём мире я была, но, даже если бы попала сюда, боюсь, тогда ты мне не поверил бы, – съязвила землянка, решив, раз адмирал перешёл на «ты», то и ей можно не миндальничать, – оскорблённая гордость и ревность – плохие советчики. Зато теперь, когда ты уже давно взрослый и рассудительный мужчина, может, начнёшь, наконец, исправлять свои ошибки? Я сейчас разбужу Лиоканию, но она навсегда забудет этот разговор и не вспомнит ни единого слова. Понял? Ни одного! И твоя задача – снова завоевать её, вернуть любовь, детей, а заодно и замок! Плохим ты будешь полководцем, если не сумеешь теперь действовать правильно и терпеливо. Всё! Я бужу королеву.

– Подожди... – заторопилась моряна, – я хочу сначала задать адмиралу один вопрос: зачем ему так нужна была Тина?!

– Это её план, Лиокании, – хмуро и виновато глянул на Ярославу Инвард, – чтобы люди императрицы не разоблачили Ади, срочно женить её на иномирянке. Якобы Тина высказала такое желание, всем известно, иномирянки просто тают от слова «принц».

– И много их было? Иномирянок? – живо заинтересовалась Ярослава, как-никак землячки.

– Нет, в последние десятилетия очень мало. Стационарные порталы работают очень нестабильно из-за падения уровня энергии, а тайна зеркал, как мы подозреваем, в вашем мире утеряна. Вот потому мы и приняли донесение о том, что Пруганд прячет гостью из дальнего мира, как подарок свыше... и сразу родился план фиктивного брака. Её никто не собирався обижать, Константину, хотели только уговорить временно поизобразить счастливую супругу... пока хамширская принцесса не найдёт себе другого подходящего жениха. Стать второй женой Дагеберта императрица не может по закону империи.

Глава 3

– Советник, разумеется, был в курсе этого плана?! – первым делом спросил Конс, когда адмирал лично отправился провожать проснувшуюся королеву в её покои, и моряна, позвав всех в гостиную, в общих чертах рассказала про трагические события двадцатилетней давности и планы королевы на Костика.

– Я думаю, именно он их и придумывал, – ещё дальше пошёл в своих предположениях Стан, – самой Лиокании никогда бы такого не изобрести, вы же её видели? Почти капуста. И теперь мне очень интересно, а зачем на самом деле он так горячо желал получить в свои лапы иномирянку?

– Ты считаешь... я нужен был ему для чего-то лично? – огорчённо пробурчал Костик, в глубине души немного жалеющий о своём незнании подробностей этого плана.

В предложении побыть фиктивной женой Адистанны он видел несколько очень заманчивых моментов. Например, возможность постепенно подружиться с девушкой, расположить её к себе, чтобы позже, когда он найдёт способ вернуть себе мужское тело, оказаться на шаг впереди других ухажёров.

При мысли о других Костик расстроено вздохнул: когда рядом с его принцессой постоянно вертятся двое анлезийцев, куча улыбочивых полукровок хумили и его собственные братцы, невероятно трудно уследить, чтобы никто из них не начал подбивать к Ади клинья или она сама в кого-нибудь не втюрилась. Конечно, Костик и сейчас имеет реальные шансы вмешаться в нежелательное развитие событий... но, будь он постоянно рядом с принцессой, их стало бы на порядок больше.

– Несомненно, – безапелляционно подтвердил Стан, – никогда не поверю, чтобы такой коварный и терпеливый интриган, много лет вынашивающий планы переворота, не продумал всё до мельчайших подробностей, предлагая Ади фиктивный брак. Конечно, вначале он изобретал его в расчёте на простую аборигенку, и такая у него уже наверняка где-то заготовлена. Просто твоё появление оказалось чем-то выгоднее, вот он и пожелал тебя немедленно заполнить.

– Мне думается, нужно первым делом решить, как вернуть королеве её трон, – попыталась перевести разговор Слава, – потом вылечить принца... но, если я что-то понимаю в политике, то сразу после этого на Дагеберта может предъявить свои права хамширская принцесса.

– Неужели ничего нельзя придумать? – расстроено пробормотала Юна, тихонько сидевшая в уголке дивана, – это так противно... когда тебя отдают кому-то, как вещь.

– Сначала свалим советника, потом начнём решать остальные вопросы, – постановил Стан, оглянувшись на задумчиво разглядывающую карту моряну и добавил: – Хотя правильнее будет первым делом заключить союз.

– Можно? – Адмирал, снова хладнокровный и подтянутый, стоял в дверях.

– Конечно, – приветливо кивнула русалка, – проходите, ваша светлость... как вы думаете, королева предоставит вам право действовать в условиях военного времени от её имени?

– Да, – уверенно кивнул Инвард, – такое право предусмотрено в законе, и я уже его получил.

А он молодец, круто берёт быка за рога, невольно восхитилась Ярослава, и правильно делает, из этого адмирала должен получиться отличный король.

– Тогда вы должны немедленно принять решение по одному очень важному вопросу, – в этот момент моряну никто бы не спутал с полукровкой или младшей из её сестёр, такая властная сила и уверенность прозвучали в голосе повелительницы, – речь идёт о подписании договора о сотрудничестве между нашими народами.

– На мой взгляд, тут маловато представителей вашего народа, – осторожно хмыкнул адмирал, явно намереваясь выиграть время, чтобы досконально просчитать и взвесить все преимущества и недостатки такого важного решения.

– Вы ошибаетесь, – ощутив знакомое напряжение и желая обойтись без откровенно нечестных методов, первой встала с места Ярослава.

Шагнула ближе к адмиралу и подняла вверх руку, позволяя свободному рукаву обнажить недавно полученное украшение. Вслед за ней подняли руки Стан, Конс, Майка, и Юна. Последней, насмешливо разглядывая нахмурившееся лицо ле Бенедли, отогнула рукав камуфляжной футболки Тина.

– Достаточно, или привести ещё кого-нибудь?

Проигрывать, не теряя лица, адмирал умел. Учтиво улыбаясь Костику, едва заметно качнул головой и на мгновение шуточно поднял вверх раскрытые ладони, без слов сдаваясь перед силой столь убедительных аргументов.

– А представители Анлезии будут гарантами, что договор о создании межрасового союза для взаимодействия и сотрудничества в борьбе против внешних и внутренних врагов Сузерда подписывался сторонами без какого-либо применения силы, в обстановке абсолютного взаимопонимания и доверия, – вспомнив завязшие в зубах фразы из телерепортажей, веско добавила Ярослава и получила огромное моральное удовлетворение, изучая ошарашенные лица этих самых гарантов.

Впрочем, Васт довольно быстро пришёл в себя, шагнул к столу и твёрдо произнёс:

– Мы согласны.

– Договорились, – пристально взглянув на анлезийца, с достоинством объявил адмирал. – Я доверяю таким свидетелям, составляйте соглашение. И у меня есть к присутствующим одна просьба... но сначала я хочу принести свои извинения Ливастаэру из рода Сиреновой лозы. Простите меня, младший офицер, за причинённые вам оскорбления и за допрос с особой степенью жестокости. Мои люди по моему личному указанию намеренно вели себя так грубо и оскорбительно. Я пытался заставить вас покинуть Сузерд, чтобы не дать помешать планам королевы. Теперь я догадываюсь... чьи это были планы, но не желаю оправдывать этим обстоятельством свои личные поступки... и готов отвечать за них в любой форме, какую вы выберете.

– Мне достаточно ваших пояснений, – с прохладной вежливостью кивнул блондин, – и я принимаю ваши извинения. Сейчас вы сделали правильный выбор, и мы рады за вас. Морянский народ сильный и надёжный союзник, и вы никогда не пожалеете об этом решении, в этом я уверен. Как и в том, что вам ещё предстоит многое о них узнать и во многом поменять прежние суждения.

– Благодарю, – признательно склонил гордую голову ле Бенедли, – вы сняли с моей души невероятную тяжесть. Как мне известно, хозяин леса не позволяет своим подданным принимать участие в военных конфликтах, могущих отразиться на благополучии Анлезии. В противном случае я немедленно предложил бы вам должность начальника личной охраны королевы.

– Я польщён вашим предложением и должен обсудить его с друзьями, – не стал резко отказываться анлезиец, – надеюсь, у меня будет на это достаточно времени?

– Это место ваше, и можете приступать к службе, когда будет угодно, – мгновенно откликнулся адмирал.

Слушая этот обмен любезностями, Ярослава всё чётче понимала, как мало рассказали ей мальчишки о происках адмирала. Судя по всему, поездка Тины и Тароса в его замок вовсе не похожа была на безопасное приключение. И как выясняется, этот блондин тоже был там вовсе не в гостях... интересно бы узнать про то происшествие поподробнее. Жаль, обстановка сейчас слишком напряжённая, не располагает к разговорам, но ведь не всегда же так будет?

Должна же когда-нибудь наступить и передышка? И вот тогда Слава постарается вытащить всё недосказанное и из своих детей, и из этих смешных в своей самоуверенности блондинов.

Ярослава невольно усмехнулась, вспомнив, как сердито сопел этот сын Фиолетовой... нет, Сиреновой лозы, на лестнице, и внезапно напряглась. Кто-то осторожно попробовал применить к ней свои способности очарования, и это точно была не моряна. Ощущения совершенно другие, они не царапали внутренности холодной тревогой, а прокатывались по коже лёгким ветерком. Слава мгновенно насторожилась, и вмешательство сразу исчезло, но женщина уже накрепко запомнила эти ментальные прикосновения и исполнилась твёрдой решимостью непременно найти наглеца.

– Заступай сейчас, Васт, вот подпишем договор, и бери всё в свои руки, – переглянувшись с клонами, постановил Стан. – А заодно возьмёшь под своё наблюдение их высочеств? Зайл идёт с тобой, а Тину, Майку и Юну я намерен оставить рядом с матерью.

– А я? – Появление в гостиной ещё бледного, но воинственно настроенного зятя Ярослава как-то пропустила. – Меня куда?

– Ты будешь с нами, со мной и Консом, – непреклонно объявил командир, – мне нужен консультант и помощник, хорошо разбирающийся в местных законах и знающий город. Не могу же я по любым пустякам дёргать мать-моряну.

Спорить кварталерон не решился, хмуро кивнул и сел на ближайший свободный диванчик, точно зная – Тина в этом вопросе будет на стороне брата, хотя и сама явно недовольна полученным заданием. После ночного происшествия Тарос чувствовал эмоции жены намного отчётливее, особенно на таком близком расстоянии.

Несчастно засопел Костик, тоже ясно рассмотревший последовательность смены эмоций кварталерона и сразу сделавший свои выводы. Как он справедливо подозревал, усилившаяся связь браслетов была вовсе не односторонней, и это напрягало парнишку сильнее, чем какой-то переворот. Однако, прикинув плюсы и минусы такого неожиданного приобретения, Костик повеселел, сообразив, что теперь ему необязательно каждый раз объяснять Тару очевидные вещи, тот и сам почувствует их на своей шкуре.

Несмотря на предусмотрительность моряны, доставшей из заветного кармана предварительный набросок договора, уточнение всех тонкостей заняло довольно много времени. Пока решали неотложные проблемы, объясняли командирам плененных отрядом гвардейцев, что их захватчики теперь союзники, а не враги, наскоро пообедали и утрясали множество важных деталей сотрудничества, наступили ранние сумерки, и Стан решительно отправил мать и девушек отдыхать. Грядущий день обещал быть нелёгким.

– Мы покажем вам ваши комнаты. – Васт определённо не случайно оказался рядом с дверью гостиной, а специально ожидал появления девушек, но уличать его в этой невинной хитрости у Ярославы не было никакого желания.

Она элементарно устала, и девчонки тоже, хотя держались очень стойко и не произнесли ни одного жалобного словечка. Вот только Слава, давно научившаяся угадывать истинное состояние пациентов, не нуждалась ни в каких жалобах и к тому же отлично помнила, чем девчонки занимались тут всю ночь.

– Спасибо, – признательно улыбнулась анлезийцу землянка и машинально взялась рукой за его локоть, – веди.

В первый момент Слава даже не поняла, отчего блондин дёрнулся и как будто одеревенел, ведь именно так она привыкла поступать с коллегами, если предстоял подъём по лестнице. Остеохондроз, постепенно побеждавший в неравной борьбе, диктовал свои правила. Но обнаружив проступивший на скулах и смешных кончиках ушей спутника румянец, иномирянка начала подозревать, что совершила большую ошибку, так фамильярно воспользовавшись его конечностью.

– В чём дело? – озадаченно пробормотала женщина и оглянулась на давящегося хохотом Костика. – Тина! Прекрати ржать и объясни по-человечески, неужели я грубо нарушила какое-то жутко важное правило местного этикета?!

– Ты разрушила всё его мировоззрение... просто в хлам, – выдавил Костик, не утерпел и захохотал так неудержимо, что невольно захихикали Майка с Юной и улыбнулась сама Ярослава.

Но скосила глаза на крепко стиснувшего зубы несчастного блондина и постаралась взять себя в руки. Неприлично вести себя так легкомысленно, когда у человека серьёзные проблемы.

– Васт... – осторожно отпуская руку анлезийца и незаметно отступая от него подальше, проникновенно начала нелёгкое объяснение Слава, – извини, пожалуйста. Я не хотела тебя обидеть, честное слово. Просто не знаю ваших правил... но я всё обязательно изучу, обещаю.

– Ты ни в чём не виновата... – Анлезиец процедил эти слова таким тоном, будто сообщал о смерти любимой тётушки, хотел добавить что-то ещё, но взглянул на смеющуюся Тину, развернулся и почти побежал впереди всех.

– Костик, ну вот зачем ты так? – расстроилась Слава и взялась за его худой локоток. – Он же тебе друг?

– Он мне телохранитель, – вытирая слёзы, примирительно сообщила Тина, с галантностью опытного кавалера ведя мать к лестнице – дал клятву на крови и теперь чувствует все мои эмоции. Поэтому сдерживаться не имеет никакого смысла... он всё равно знает, как мне смешно.

– Вот как! Очень интересно, – приподняв одной рукой подол длинного платья, Ярослава шагала по ступенькам, – жаль, ты мне этого сразу не сказал.

– Не успел, – покаялся Костик, – говорю сейчас, Васт и Зайл мои телохранители, и Тарос тоже меня чувствует... а после вчерашнего нападения – ещё сильнее. Моряна постаралась защитить... но приятного в этом мало, иногда я ощущаю себя стоящим под рентгеном.

– Понятно, – кивнула Слава, втихомолку радуясь, что сначала задала этот вопрос, а не попыталась выяснить, чем именно было произошедшее внизу, чисто анлезийскими заморочками или личными тараканами этого сына Сиреновой лозы.

– Пожалуйста, – комично подмёл пол несуществующей шляпой Костик в ответ на благодарность матери, когда они добрались до третьего этажа, – для вас, мадам, – всегда пожалуйста! Кстати, про остеохондроз. Пока мы шли, я обследовал твой позвоночник и могу заверить, тебе впору поступать в балерины... не хочешь? Ну как хочешь, моё дело предложить. Но боюсь, на утреннюю разминку Стан выгонит тебя наравне со всеми, у нас даже Майка ходит.

– А я и не против, – буркнула женщина, припоминая, что знакомая боль и на самом деле ни разу не кольнула в поясницу за время пребывания в этом мире, – раз все, значит, и я. Ну и где тут моя комната?

Стоявший чуть поодаль Васт немедленно двинулся вдоль широкой галереи, с одной стороны которой шли двери в комнаты, а с другой перила, открывающие вид на лестничный пролёт, официальным голосом объясняя, где чья комната. Вскоре стало ясно, что блондины заняли под жильё для своего отряда весь третий этаж, заботливо выделив девушкам комнаты рядом с единственной на весь этаж ванной. Или мыльней, как говорили аборигены.

– Королева, принц с принцессой и адмирал будут жить на втором, там же мы устроили и комнату для совещаний, – сухо пояснил анлезиец и поторопился сбежать.

– Умываемся и отдыхаем, – решительно скомандовала девчонкам Ярослава, постановив для себя, что никакие блондины и их фобии не стоят того, чтобы начинать немедленное разбирательство.

Но если бы она могла видеть, как пулей ворвавшийся в мыльню второго этажа анлезиец сунул в бочку с холодной водой белокурую голову и держал её там почти минуту – наверняка засомневалась в правильности своего решения.

Глава 4

Вот ведь как странно иногда шутит с человеком его собственный мозг! Сидя в гостиной, Слава с каждой минутой всё сильнее мечтала снять наконец обувь с уставших ног и подремать часок перед ужином. Но едва вытянулась на постели и подсунула под щеку ладонь, в голову полезли незваные беспокойные мысли. Побежали, произвольно меняя курс, как ночные тараканы, нашёптывая незадаанные вопросы и возрождая сомнения.

Сначала Слава пыталась от них отстраниться, подумать о чём-нибудь приятном, о чём советует думать пациентам сама, предупреждая, что чрезмерное увлечение снотворными препаратами ни к чему хорошему не приводит. Например, представить курчавых овечек или нескончаемую череду прозрачных языков прибоа, а можно ещё вспомнить утреннее небо и считать нежные пенки медленно проплывающих облаков.

Несколькими минутами позже, копаясь в огромном полупустом шкафу, куда девчонки вдобавок к оставшейся от прежних постояльцев одежде сложили несколько собственных юбок и кофт, Слава недобрым словом поминала именно проклятые облака, поднявшие её с широкой лежанки так резко, как это не удавалось даже проверенному в деле будильнику.

Поняв с непреложной ясностью, что заснуть всё равно не сможет, а валяться часами в постели, как её школьная подруга Олеся, Слава никогда не умела, решила заняться чем-нибудь полезным. Например, отправиться на кухню знакомиться с местными рецептами или изучить подробнее расположение комнат – никогда не знаешь, какие знания могут пригодиться в жизни.

Свечу землянка зажечь не сумела, потому переодевалась в полумраке. Выбор одежды закончился в пользу практичной тёмной юбки в меленький старушечий горошек, достающей Славе до щиколоток, – видимо, раньше она принадлежала невысокой Майке. К юбке землянка выбрала такую же тёмную блузу с рукавами-крыльями до локтя и запахивающимися, как у халата, полами, заканчивающимися длинными широкими завязками. Проблему довольно впечатляющего декольте, единственной детали, абсолютно не подходящей Славе в этой блузке, женщина решила весьма оригинально, надев кофточку задом наперёд. Плотно обернула пояс вокруг талии, завязала концы сзади и, сочтя свой наряд вполне приличным, удовлетворённо подмигнула тускловатому изображению в медном зеркале.

Затем землянка связала волосы в низкий хвост широким чёрным поясом, валявшимся в дальнем углу шкафа, и, подумав секунду, решительно соорудила бант, чтобы не болтались длинные концы. Выбирать обувь было особо не из чего, в распоряжении Славы имелось всего две пары простых дорожных туфель. Торопливо натянув те из них, какие помягче, женщина осторожно приоткрыла дверь, намереваясь сбежать незаметно.

Две фигурки, дружно крадущиеся на цыпочках в сторону лестницы, Ярослава заметила сразу и очень порадовалась случайности, оказавшейся полезной. Если бы у неё горел свет, его лучик мгновенно выдал бы мать этим партизанкам. Вот, значит, как они отдыхают, хмыкнула Слава, пытаясь издали определить, кто именно опередил её, но поняла только, что один из двоих – Костик. По росту. Тина была выше всех девушек, а вот Юнхиола и Майка разнились в росте всего сантиметров на пять.

Куда они идут, Слава догадалась с почти стопроцентной уверенностью – в королевскую гостиную. Тине явно не терпелось проверить на принце свои целительские силы. А вот зачем она взяла с собой Майку или Юну – можно было только предполагать. Возможно, просто для компании, или подруге не спалось, а может...

Направление, куда свернули её мысли, Ярославе категорически не понравилось, и она приказала себе не думать об этом, пока не получит веских доказательств собственной догадливости. А если такое всё же случится – придётся снимать с шеи шнурок с фигурками. И если

камни посулят одному из её детей недоброе будущее, Слава начнёт против этого будущего борьбу.

Дойдя до перил, с которых открывался вид на лестницу, женщина перегнулась и внимательно изучила обстановку. Попадаться девчонкам на глаза не хотелось, как и охраняющим королеву гвардейцам, придирчиво набранным Вастом в свою команду. Один из них как раз прогуливался вдоль лестницы, пока не замечая осторожно пробиравшихся по стеночке девушек. Зато Слава теперь отлично рассмотрела беглянок в свете свечей и похвалила себя за догадливость. Та, которая щеголяла мужскими бриджами и футболкой в стиле милитари, и в самом деле оказалась Тиной. Или пора уже называть её Тином?

Мать тяжело вздохнула и расстроено отвернулась, второй беглянкой была Юнхиола, и, значит, бесполезно пытаться подсмотреть, куда направляются её дети. Эта парочка мгновенно вычислит Славу и устроит ей перекрёстный допрос, поэтому лучше просто погулять по дому.

Не замеченная ранее дверь, запертая на тяжёлый засов, заинтересовала Ярославу не из пустого любопытства. Женщина вдруг вспомнила рассказы детей и сообразила, что за этой дверью может быть та самая зловещая башня, по ступеням которой Геб полз наверх, намереваясь разом покончить с ненавистным существованием.

Её догадка подтвердилась, за дверью и в самом деле находилась башня. Она оказалась вовсе не круглой, какими, по представлению Ярославы, должны быть старинные башни, а четырёхугольной и почти квадратной. Пристроенная к торцу дома, как современные лифты, высокая коробка уходила вверх ещё этажа на три. В бледном свете тающего дня можно было рассмотреть смутно различимые сквозные пролёты довольно удобной лестницы, защищённой коваными перилами, а окна высоких, немного не совпадавших этажами с домом комнат оказались неожиданно большими, лишёнными всяких занавесей и ставней. И под ними в кадках и ящиках пышно росли и цвели разнообразные растения.

Осторожно ступая, Слава спустилась на один пролёт, заинтересовавшись помещением, остроумно превращённым одновременно в место для прогулок в ненастные дни и оранжерею. Мягкие шкуры, устилавшие пол, и гора подушек, напомнивших о хотомаре, невольно натолкнули на догадку, где именно проводил большую часть своего времени калечный принц.

– Почка, ты потерялась? – не столько внезапный вопрос, сколько ощущение схватившей за плечо чужой руки заставил Ярославу подпрыгнуть на месте.

Она мгновенно махнула ладонью и застыла, ощутив в руке нечто мягкое и небольшое.

– Ох, господи, как же ты меня напугал! Тебе никто не говорил, что нельзя так резко кричать людям прямо в ухо? Если у человека больное сердце, он может упасть в обморок или даже умереть.

– Если человеку будет плохо, Шайо вылечит, – с превосходством сообщил унс. – А про кричать нельзя – никто не говорил.

– Кто же тебя воспитывает в таком случае? – ещё возмущённо выговаривала Слава, но больше уже не сердилась. – Кстати, объясни-ка, почему ты зовёшь меня почкой?

Рассказчиком унс оказался превосходным, Слава даже забыла на полчаса о том, куда шла. Она выяснила кучу интересных и полезных вещей и попыталась с помощью унса научиться видеть злополучные ауры, о которых так запросто говорили её дети. И вот тут её ожидало совершенное разочарование. Та самая способность, которая так надёжно оберегала землянку от всяких ментальных воздействий, теперь упорно вызывала головную боль, едва унс пытался передать Ярославе собственное видение окружающей фауны.

– Ты не способна к контакту, почка! – наконец подвёл неутешительный итог Шайо. – Я потратил на тебя столько сил, а ты не увидела даже мышку, которая сидит под этой бочкой.

Ярослава инстинктивно немного отодвинулась от бочки, рядом с которой сидела на низком пуфике. Нет, мышек она не боялась, но и не любила и потому видеть вовсе не желала. А вот слушать снисходительное обращение от маленького ментала как-то надоело.

– Слушай внимательно, мелочь глазастая, два раза повторять не буду! Это я тут самый старший экземпляр, а Стан, Конс и все прочие – мои почки! – Слава немного подумала над неправильностью получившегося утверждения и поправилась: – Вернее, когда-то ими были. Теперь они выросли. Слушай, а ты не сможешь проверить, внизу отперта дверь на первый этаж дома?

Идти самой, как и возвращаться назад, ей почему-то не хотелось. Смешно будет напороться на детей, если Тин с Юной решат вернуться в комнаты. Может, они просто ходили за водой или сладостями, сразу Ярославе такое простое объяснение их прогулки почему-то не пришло в голову.

– Отперта, – важно сообщил Шайо и вдруг вывернулся из ладоней Славы, ловко перебрался на плечо и просительно заглянул ей в глаза, – а можно мне жить с тобой? Ты много знаешь, и энергия у тебя хорошая. Раньше меня носил за пазухой Стан, но теперь там тесно, у Чудика растёт почка. А у Майки мне скучно, она только и рассказывает, какой Конс хороший.

– А разве он плохой? – мгновенно насторожилась женщина, готовая встать на защиту сына даже от этого милого существа.

– Хороший, – как-то уныло согласился унс, – но спать в шкафу мне холодно и скучно... а вылезать он не разрешает.

– Понятно, – невольно фыркнула Слава, – а если Стан не разрешит?

– Я же всё равно слежу за всеми, когда моя очередь, – заторопился унс, – а Майку могу всё время держать под контролем, вот сейчас она спит... на правом боку.

– Ладно, я поговорю со Станом, а пока пойдём вниз, а то становится совсем темно.

Что унс самый лучший из навигаторов, Ярослава убедилась уже через пять минут, он беспрестанно бубнил ей в ухо, предупреждая каждый шаг. Так они дошли до площадки между первым и вторым этажами башни, и даже прошли несколько ступенек вниз, как вдруг унс притих, начал говорить почти шёпотом.

– В чём дело? – заволновалась Слава.

– Нехорошие эмоции... сердитые, – прошипел Шайо, – люди хотят бить друг друга... это неправильно.

– Они враги?

– Нет, они из нашего отряда. – Судя по унылому голосу, маленький разведчик был потрясён нелогичностью человеческих поступков.

Теперь и Слава слышала приглушённые сердитые голоса и, как ей показалось, даже узнала, кому они принадлежат.

– Ты хорошо слышишь, о чём там говорят? – торопливо шепнула женщина унсу. – Повторяй мне.

– Слышу... – гордо сообщил унс и забормотал, старательно повторяя интонацию и подражая чужим голосам:

– ...Говорю последний раз, держи от неё подальше свои наглые лапы.

– ...Да кто ты такой, чтобы мной командовать?

– ...Я человек, который точно знает, ты для неё не сможешь сделать ничего хорошего, а боли ей и без тебя хватило в жизни.

– ...А с чего ты взял, будто я собираюсь причинять кому-то боль?

– ...С того, что ничего другого ещё ни один из вас человеческим женщинам не принёс. Запомни, я тебя предупредил, второго раза не будет.

– ...Думаешь, именно ты можешь сделать её счастливой? Или просто продолжаешь выполнять приказ старого лиса, отправившего тебя с тайным заданием? Не удивляйся так, в то, что ты добровольно покинул обожаемую родину, поверили лишь те, кто ничего про тебя не знает.

– ... А вот это точно не твоё дело и никакого отношения к ней не имеет, ты, самое главное, не забудь моих слов. Если жизнь дорога.

Где-то внизу хлопнула дверь, и Ярослава обессиленно опустилась на ступеньку, пытаясь сдержать истеричный смешок. И как, интересно, нужно понимать всё услышанное? А самое главное, к кому относятся эти предупреждения, к Юне или... Нет, прочие предположения – просто бред.

Но в любом случае нужно будет присмотреться к обоим повнимательнее, через несколько минут приняла твёрдое решение Слава, очень уж странным был случайно подслушанный спор о судьбе неизвестной женщины... и неважно, кто именно причина этого спора. И несомненно, объект интереса довольно привлекательных мужчин, кривить душой перед самой собой Ярослава не собиралась.

Таш, конечно, обидел её во время путешествия своим чисто мужским высокомерным отношением. За годы работы участковым врачом Слава как-то привыкла к уважительному отношению окружающих мужчин. И коллеги, и пациенты внимательно прислушивались к её советам и считались с мнением Ярославы, и недоверие охранника не могло её не задеть. Но не могла она и не понимать, что это не личное мнение Таша о ней как о блондинке, а выработанная годами привычка полностью отвечать за подопечных.

Зато во всём остальном заниец был, как говорила старшая медсестра Анжела Павловна, особо ценным экземпляром. Чуть выше среднего роста, крепкий и подтянутый, с цепким и пронизательным взглядом бледно-голубых глаз и мускулистыми, умелыми руками. И никаких дурных привычек за время путешествия Ярослава за ним не заметила. Таш не проявил ни малейшего интереса ни к вину, которое матросы торопились допить до прихода в порт Дилла, ни к игре в кости, занимавшей всё свободное время экипажа. А кроме того, умел делать просто невероятное количество самых разнообразных бытовых дел. И в дороге не отказывался ни от готовки еды, ни от стирки и починки одежды, ни от ремонта дверей в одной из харчевен. Про его профессиональные умения и речи не шло, и ему ясно, что сопровождать любимую дочь наместник отправил самого надёжного и ловкого из своих тайных агентов.

Как ни странно, но и Васта многоопытная Анжела Павловна тоже отнесла бы к тому же элитному отряду редких мужчин, хотя внешне он ничем не походил на агента Зорденса. Гибкий и изящный анлезиец был выше Таша почти на полголовы, а в торсе тоньше того едва ли не вполовину. Хотя шириной плеч почти равнялся с соперником. Да и офицером он явно был из лучших, иначе адмирал вряд ли назначил бы его командовать охраной королевы. И не зря блондин так гордился своей красотой; присмотревшись, Ярослава вынуждена была признать, с лица анлезийца действительно можно писать портреты если не ангелов, то воителей света точно. И вовсе не по вине блондина его внешность не подействовала на Ярославу согласно привычным представлениям анлезийцев. Просто землянка в своё время приняла такую порцию любовного яда, что иммунитета теперь должно хватить на всю оставшуюся жизнь.

Несомненно, противостояние таких достойных поклонников польстило бы любой местной и земной девушке, только не Славе. Она давно поставила на себе крест, раз и навсегда назначив сорокалетие подходящим возрастом для избавления от девичьих мечтаний о том единственном и неповторимом, кого тайно или явно ждут все особы женского пола.

Некоторое время внизу было тихо, и Ярослава, решив, что спорщики ушли вдвоём, собралась было спускаться дальше, но тут из темноты внезапно раздался какой-то странный звук, не то вой, не то плач... или то была шаманская молитва?!

Этого землянка не поняла, но от тоски, обиды и отчаяния, звучавшего в монотонных причитаниях, у неё поползли по спине холодные мурашки.

– Шайо, веди меня наверх, – шепнула Ярослава, приняв показавшееся ей самым верным решение и, приподняв юбку, почти бегом ринулась назад, к выходу.

Несколько раз она в спешке оступалась и, не будь с ней унса, вполне могла бы показаться вниз, но Шайо был начеку. А когда землянка уже взялась за ручку двери, в которую так неосмотрительно вошла меньше часа назад, постепенно стихавшее пение вдруг смолкло и в нос резко ударил насыщенный аромат цветов. Слава оглянулась и в изумлении едва не выдала себя вскриком – все растения оранжереи прямо на глазах стремительно выбрасывали чуть светящиеся в полумраке пышные кисти распускающихся цветов.

И едва представив, какой насыщенный аромат сейчас обрушится на её аллергию, женщина проворно выскочила в коридор и трясущимися руками задвинула засов.

– Нафик, нафик, – бормотала Слава любимую присказку Костика, почти бегом спускаясь на первый этаж по центральной лестнице, – не нужно мне такого счастья. Да где же тут у них кухня, наконец?!

Глава 5

Однако до кухни она так и не добралась, хотя Шайо, облюбовавший себе место на её голове, в складках банта, сообщил точно, сколько раз и куда нужно свернуть.

Внезапно выскочили откуда-то Стан и Конс, бросились к матери, подхватили под локти и почти на руках утащили в гостиную, где к тому времени кроме них осталась только моряна.

– Что случилось? – Стан спрашивал так требовательно, как никогда не умел раньше, и в его лице и голосе Слава с внезапной ясностью узнала черты Александра.

Несмотря на легкомысленное отношение к супружеской верности и непробиваемый эгоизм в бытовых вопросах, отец Костика был очень хорошим хирургом и умел не только мгновенно разбираться в возникавших внештатных ситуациях, но и беспрекословно подчинять своей воле всю операционную бригаду. И вот именно таким, проницательным и беспощадным в своём понимании обстоятельств, взглядом и смотрел на неё сейчас сын.

– Сбавь обороты, чего ты так орёшь? – моментально ошетинился Конс и, обхватив Славу за плечи, крепко прижал к груди.

– Не тупи, Кость! – раздражённо фыркнул старший. – Я же не на мать ору... а хочу узнать, кто её так напугал?!

– Когда хотят спросить напуганного человека, не разговаривают с ним таким тоном, – не уступал средний.

– Ма... – почувствовав молчаливое согласие матери с этим заявлением, устало заглянул в её глаза Стан, – извини. Просто устал... и вдруг ты бежишь вся в панике... Сорвался. Думал, кто-то напал.

– Кто тут может напасть, если унсы следят и Ваствезде своих охранников натолкал, в туалет спокойно не пройдёшь, – усаживая Ярославу на диванчик, примирительно бурчал Конс. – Ма, ты как?

– Ваств... – вспомнив цветочный взрыв в оранжерее, иронично фыркнула мать и нервно захихикала, – да никаких врагов не нужно с таким охранником...

– Расскажи подробно. – В какой момент молчавшая в своём углу моряна очутилась рядом, Слава не успела понять, ощутила только мягкие пальцы на плечах и вновь почувствовала знакомое неприятие.

– Не нужно, – вежливо отстраняясь, просительно буркнула землянка, – не идёт мне ваша магия. Шайо сказал...

– Где ты видела Шайо? – изумился Конс.

– Шайо тут... – вылез из волос Славы унс, – старший экземпляр разрешил жить с ним. Если командир согласится. – Малыш опасно покосился на Стана.

– О, кстати, – припомнила способности унса Ярослава, – он же был со мной! Пусть покажет вам всё с самого начала.

Сама землянка ничего не увидела, как позже выяснилось, унс и не стал тратить на неё энергию, но все трое её собеседников посмотрели информацию очень внимательно.

– А зачем ты убежала-то? – озадаченно поинтересовался Конс. – Цветочки были очень впечатляющие... пойти, что ли, Майке нарвать.

– Не вздумай, – встревожилась мать, – там аромат такой насыщенности, хоть ножом режь, как кисель, натуральная газовая атака.

– Вот, кстати! Киселя тут тоже нет! – обиженно пожаловался средний и задумчиво оглянулся на брата. – Ну и как мы с ним поступим?

– С кем? – прикинувшись непонимающей, поинтересовалась моряна.

– С Вастом, разумеется. – Стан рассматривал повелительницу очень подозрительно. – Или мы всё не так поняли?

– Вот именно, – довольно подтвердила русалка, – как раз с анлезийцем в ближайшее время не должно быть никаких проблем. Он решился повзрослеть на один цикл... и теперь будет спокойным, рассудительным и хладнокровным.

– Как интересно... – В глазах клонов зажглись огоньки безудержного любопытства, да и сама Ярослава подалась ближе к моряне, не желая пропустить ни одного слова из грядущего объяснения.

– Но должна предупредить: рассказывать об этом никому нельзя, анлезийцы своими секретами не делятся ни с кем.

Услышав это предостережение, Слава невольно оглянулась на дверь, и старший немедленно угадал её опасения.

– Не переживай, я его издали почувствую. И ещё... раз уже к тебе примазался Шайо, дай ему задание предупреждать о приближении всех, кого не хотела бы встретить внезапно. А Майке я всё объясню сам. Закат говорил, иногда почки сами выбирают себе напарников, и это наиболее плодотворный вариант сотрудничества.

– Только имечко у него слишком... японское, – вздохнула Слава, – по мне так лучше, если бы он был обыкновенным Шариком.

– Шайо согласен быть Шариком.

Конс не выдержал и хихикнул, маленький найдёныш явно окончательно решил остаться с Ярославой и ради этого готов был называться кем угодно.

– Я ей сам всё объясню, Майка не обидится, – убеждённо объявил он и повернулся к моряне: – Так что это за циклы?

– Анлезийцы живут много больше людей, и потому по примеру ваальтов считают свой возраст не оборотами мира вокруг светила, это для них слишком мелкие и невнятные отрезки жизни, а этапами взросления, или возмужания. И называют их циклами, как принято у растений. Первый цикл длится довольно долго, это время, когда анлезиец чувствует себя ребёнком. Один из немногих побывавших на Анлезии людей рассказывал, что встречал там женатых мужчин, так и не решившихся перейти во второй цикл. Но Ливастаэр не мог иметь меньше чем третий, только перейдя этот рубеж, анлезиец получает законное право отправиться в путешествие по человеческим землям.

– Чётко, – задумчиво протянул Стан, – не по-нашему, конечно, зато сразу понятно, чего ждать от человека. И как он теперь будет выглядеть? Ну, в смысле изменится в нём хоть что-нибудь или нет?

– Внешне Васт скорее всего останется прежним, зато, возможно, проявится новая манера разговора или поведения, – чуть заметно пожала покатыми плечами моряна, – зато уровень способностей наверняка возрастёт. Я не знаю точно, как именно они определяют свою готовность стать взрослее, но когда анлезиец решается перейти на новый цикл, он при помощи особого ритуала усиливает собственные эмоции до самого высшего уровня. А затем, собрав воедино всю имеющуюся в его распоряжении энергию, выплёскивает в мгновенном созидательном выбросе, одновременно расширяя собственные возможности и избавляясь от прошлых переживаний и сомнений.

– Удобно, – усмехнулась Ярослава, – хотела бы я так научиться.

Признаваться не только сыновьям, но даже самой себе, какой досадой отозвалось в её душе принятое Вастом решение так кардинально разобраться с возникшей проблемой, землянка вовсе не собиралась. Мало ли бывает в жизни мелких недоразумений и неприятностей, если на все реагировать, то и жить не захочется.

– По крайней мере, враждовать с Ташем у него больше не будет причин, – ровно констатировала моряна и, бдительно оглядев землян, вдруг заявила: – Впрочем, их отношения никогда и не были самой важной проблемой.

– А в чём тогда важная проблема?! – моментально сделал стойку Стан.

– В Ярославле, – не стала юлить повелительница, – вернее, в её способностях.

– И какая с ними проблема? – Теперь на моряну с тревожным недоумением глядели все трое.

– Должна признаться, я сама не сразу поняла, в чём дело, и специально съездила к одному мудрому старичку, которому известны все сведения, собранные в нашем мире об особых способностях пришельцев из дальних миров. – Моряна достала из потайного кошелька небольшую книгу и протянула Славе: – Лучше тебе всё внимательно прочесть самой. Вкратце могу сказать, почему на тебя никогда не подействует ни очарование, ни целительство, ни порча, ни иллюзия. Ты источник, чрезвычайно редкий вид способностей, и оттого ничью чужую энергию не принимаешь.

Каждый раз, как кто-нибудь попытается на тебя подействовать или ты так испугаешься, как сейчас, эта способность будет понемногу расти. Придётся тебе учиться лечить себя самой, а заодно и многим другим вещам. Например, закрывать энергию от вампиров и опустошённых одарённых, ставить щиты на эмоции и распознавать тех, кто попытается их сломать. Я помогу чем могу, ну и твои дети, разумеется, тоже. Эту учёбу нельзя откладывать и нужно держать в тайне от всех. Сами понимаете, иметь под рукой нескончаемый источник энергии – мечта каждого, у кого есть хоть какие-то способности.

– Сюда идёт адмирал, – предупреждение Шайо, правильно понявшего слова командира, нарушило водворившееся тяжкое молчание.

Земляне, до сих пор ничего не слышавшие ни о каких источниках, пытались сообразить, чем им может грозить свалившаяся на них новая напасть и как с ней справляться, а моряна терпеливо ждала, пока они немного свыкнутся с неожиданной новостью.

– Выходит, я теперь для всех, как лампочка, издали видна? – первой опомнилась Ярослава, бдительно поглядывая на дверь.

– Не для всех, лишь самые сильные одарённые почувствуют, и то не сразу, – успокоила моряна, – мы вот тоже не сразу разобрались. А сегодня я убедилась в правильности своей догадки. Пока ты сидела с нами – никто из наделённых способностями не испытывал усталости и нехватки в энергии. Но стоило тебе уйти, как меньше чем через осьмушку все заметно сникли. Я сама почувствовала, насколько медленнее пополняется энергия, ведь на просмотр эмоций я по привычке постоянно трачу силы. Стало быть, я тоже тянула из тебя, даже не замечая. Такова особая структура источника. Мы все берём в случае опустошения резерва энергию из окружающего мира, но пополнив её, как бы отсоединяемся. А ты берёшь постоянно, собираешь, как ручей мелкие струйки, и так же непрерывно изливаешь. И именно поэтому нужно немедленно принимать меры предосторожности, такая способность не может не расти.

– Вот счастье-то привалило, – огорчилась землянка, – и, как всегда, неожиданно.

– С этим я тоже не могу согласиться. – Моряна смотрела на подданных очень уверенно. – Внезапно такая способность не даётся. В книге ясно написано: вероятность стать источником бывает только у тех иномирян, кто в своём мире обладал особым даром. Даже если там он был неосознан или неразвит – перенос его выявил и раскрыл. Вспомни, не исполнялись ли неожиданно пожелания, высказанные тобой от всей души? Или ты внезапно отказывалась от собственных планов, а после выяснялось, что это было самое верное решение? Или ты предугадывала приход гостей и врагов? Уверена, нечто подобное обязательно припомнится. А теперь поговорим на другую тему, адмирал уже у двери.

Глава 6

Адмирал принёс плохие новости, все поняли это, едва рассмотрев Бенедли. Инвард за последний час стал ещё мрачнее, и его голубые пронизательные глаза запали глубже.

– Я рад... – без прежней подчёркнутой аристократичности плюхнувшись за стол и внимательно оглядев союзников, заявил он внезапно, – что заключил с вами договор за несколько часов до того, как узнал про истинное положение дел. Иначе сейчас у меня не хватило бы ни полномочий, ни совести вовлечь вас в такое опасное мероприятие.

– Что произошло? – В моменты, когда нужно было решать особо важные проблемы, правительница разговаривала очень властно и кратко.

– Вчера вечером командиры всех шести частей, расположенных в предместьях Дилла, получили приказ прибыть вместе с помощниками во дворец советника для получения королевского указа о новых, повышенных в связи с военным временем жалованьях.

– Они не вернулись? – мгновенно догадался Стан.

– Ни один... все там, кроме двоих. У командира третьей части тяжело заболел отец, и он уехал ещё с утра. А его помощник не решился вскрыть послание от советника по финансам... в уверенности, что ничего хорошего оттуда ждать не стоит, а потому лучше не проявлять излишней инициативы. Ну а командир шестой части после обеда подвернул ногу, оступился во время тренировочного боя. И по такому случаю лекарь выдал ему обезболивающее... запрещённое законом королевства. А помощник у него ушёл в отставку, и новый ещё не принял дела.

– В итоге в заложниках у Урдежиса восемь человек, – подсчитал Конс.

– Девять, мой личный заместитель тоже получил приказ.

– И предатель шантажирует тебя жизнями этих заложников? – встревоженно уставилась на адмирала Ярослава, ничуть не сомневаясь в собственной правоте.

– Отправленные на разведку гвардейцы сообщили, что во все войска утром пришёл ещё один приказ, будто бы от имени их командиров. В нём было секретное сообщение о гибели адмирала и предписание не верить никаким самозванцам. Якобы командирам предоставили достоверные сведения, что моё место собирается занять двойник.

– Но это же бред... и вы можете легко доказать свою подлинность. Знакомые воины, воспоминания, о которых не может знать ни один двойник, да куча подобных способов! Или вы чего-то не понимаю?

– На это нужно время, собрать судей, представителей от знати и духовенства... а он пока прочно закрепит на троне своего сыночка, – тяжело вздохнул Инвард, – но если я отправлюсь, как он требует, во дворец...

– То это будет самым величайшим идиотизмом, – не выдержал Стан, – ни один заговорщик и ни один шантажист, выдвигая такие требования, даже близко не задумывается о том, как их выполнять. Вас просто уничтожат... и предъявят тело как доказательство прежнего объявления о вашей гибели. Ну а потом расправятся и с двойником... думаю, такой уже сидит где-нибудь в тайной камере. После этого Урдежису останется только назначить главнокомандующим своего человека.

– Но бросить своих воинов в такой ситуации я тоже не могу! – Глаза адмирала сверкнули благородным негодованием.

– Никто не предлагает бросать, – отрезал Стан. – Мать-моряна, как твои люди?

– Почти готовы, думаю, к утру можно будет начать штурм.

– Неправильно всё это, – скептически разглядывая сообщников, решительно заявила Ярослава, – прямые пути хороши только в общении с друзьями и честными людьми. А ваш советник не зря так долго готовился и наверняка продумал все возможности отражения штур-

мов. Знаете, у нас на Земле было не меньше сотни таких ситуаций, и самые быстрые победы – это те, где не лезли на стены с мечами, а действовали хитростью. Например, троянский конь, птицы Ольги, отравленные источники, подкопы и многое другое. Мне трудно предлагать варианты, досконально не зная деталей обороны, но вы-то можете? Могу лишь назвать те, которые приходят на ум мне самой: тайные ходы, десант с хотомара или как-то задействовать морянские зелья.

– Да мы, в общем-то, и не собирались лезть напрямик с мечами, – осторожно буркнула моряна, – а как ты предлагаешь использовать зелья?

– Ну, например, разбрызгать с хотомара. Если он пролетит на достаточной высоте, чтобы не достали лучники, то сможет побрызгать всех... у нас так по весне вредителей на полях травят.

– А чтобы они все во двор выскочили, можно чём-нибудь привлечь... например музыкой, – оживился Конс.

– Это хорошая мысль... насчёт отвлекающего манёвра, даже если без снадобий, – одобрил Стан, – раз на армию мы не можем рассчитывать, то будем действовать именно так. Только нужно уточнить некоторые детали...

– Армию совсем сбрасывать со счетов не стоит, – вступился за своих подчинённых Инвард, – я отправил послания старым друзьям, тем, кто знает мой почерк и в ком я уверен. У них у всех тоже есть надёжные товарищи... думаю, к обеду во главе частей встанут мои люди. Но срок, отпущенный мне советником для добровольной сдачи, истекает с началом второго периода.

– Значит, нужно начать операцию как можно раньше... и лучше перед рассветом, – категорично постановил Стан, – именно в это время люди особенно расслаблены и не ждут никаких нападений. Не удалось уточнить, сколько у советника личной охраны и наёмников?

– Как оказалось, я знал его план заранее, – горько усмехнулся Инвард, не поднимая глаз от вытканых на коврике дворцов, – и с каждой сороковиной всё больше убеждаюсь, что стал слишком наивен и доверчив для своей должности. Это я сам подписал пропуск ватаге установщиков светильников. Урдежис ещё весной отлично сыграл скрягу, который не желает расставаться с доверенными ему монетами... но зато теперь я почти уверен в сговоре с ним Ральдуса. Трудно случайно так удачно подыграть советнику в том споре. Позавчера вечером, ради того, чтобы закончить работу за сутки, пока королева отдыхает в приюте, в замок въехало почти полсотни крепких мужчин, которые должны были заменить во всех комнатах старинные бра на световые цилиндры. Ещё – хутамщики и подручные. Оружие они провезли в корзинах, под цилиндрами, но оно наёмникам почти не понадобилось. Они и без оружия за несколько минут согнали испуганных служанок и кухарок в конюшню и заперли на втором этаже в комнатах для погонщиков пангов. А едва прибывшие в замок старшие офицеры оказались в руках советника, охране предоставили право выбора: сложить оружие и уйти или отправиться вместе с командирами в подвал. Несколько человек пошли в подвал, и те, кто решил уйти, уверяют, что сделали они это не по глупости, а специально.

– Но в таком случае у него там очень мало людей, – испытующе уставился на адмирала Стан, – не пойму, в чём фишка?

– Как только охранники вышли за ворота, их места заняли наёмники с оружием, а вскоре к ним присоединился большой отряд всадников, примчавшийся на пангах из дворца советника. Ночным патрульным они предъявляли пропуски, как позже выяснилось, поддельные. Урдежис имел доступ к малой печати. Теперь, по нашим подсчётам, там почти две сотни хорошо обученных воинов, и я уверен, советник отбирал самых лучших и отчаянных. Но для охраны королевского замка вполне хватило бы и значительно меньшего отряда, Урдежис пере-страховался. Древние строители настолько хорошо продумали способы обороны замковых стен

от возможной осады, что ещё вчера вечером я высмеял бы любого, кто рассказал мне, как легко падёт эта крепость.

– А как у них с едой и водой? – припомнила Ярослава несчастного Андрия.

– Запасы продовольствия в погребах внушительные, и это особая заслуга хитроумного дядюшки, – горько усмехнулся адмирал, – а вода поступает из собственного источника.

– Мать-моряна, – задумчиво уставился на повелительницу Стан, – у меня два деловых вопроса: можем ли мы предоставить право бесплатного проезда через пролив людям Витти и готова ли ты взять в подданные на особых условиях несколько десятков полукровок хумили?

– Да.

Слава уже начинала привыкать, что моряна почти во всём соглашается со Станом, но сейчас удивилась даже она. Насколько мать помнила из рассказа Юны, хумили очень переживали в дороге за переправу на тот берег и договариваться с русалками ходил сам Стан.

– Тогда нужно немедленно отправить Барри в Дилл. Адмирал, у вас есть тут панги и свободные гвардейцы, чтобы проводить полукровок, куда они скажут?

– А ты уверен... – Адмирал присмотрелся к азартному блеску в глазах командира иномирян и по совместительству помощника королевы русалок и резко оборвал незаданный вопрос. – Конечно найдутся.

– Васт, – подойдя к двери, сказал куда-то в коридор командир, – пришли сюда Барри и приходи сам, можешь захватить с собой Зайла и Тароса. Нужно срочно обсудить новый план... обстоятельства изменились.

– Хорошо, – с незнакомой отстранённой мелодичностью донёсся в ответ голос полукровки, и Ярославе неожиданно захотелось посмотреть, действительно Васт не изменился или всё же стал каким-то другим?

Однако Ливастаэр в гостиную вошёл далеко не сразу, а сначала отправился искать замену друзьям и Барри, потом заглянул на кухню, предупредить, что подавать ужин пока не нужно.

И только когда с оглушительной ясностью понял, что специально оттягивает неизбежный момент, стиснул крепче зубы и шагнул вслед за к стати подвернувшимся Таросом в наполненную людьми комнату. Обновлённые способности с непривычной пока яркостью обрушили на него вал чужих эмоций, в которых при желании он мог бы теперь различить кроме радости, веселья и влюблённости ещё и доверие, любопытство, и даже настороженность. Неожиданно для анлезийца преобладающим в чувствах присутствующих оказалось именно любопытство, яркое, детское и немножко опасливое, именно с таким малыши заглядывают в найденный среди лопухов заброшенный колодец.

Упорядоченные силой энергии и собственной воли воспоминания, эмоции и знания сложились в его мозгу в стройную систему, которая позволяла полукровке по-новому, чуть отстранённо и свысока оценивать и осмысливать прошлое – как свои личные действия, так и поступки окружающих. И теперь Ливастаэр отлично понимал, почему отряд встречает его с таким дружным интересом. Как ни прискорбно было признавать, но факты упрямо твердили: его подъём на одну ступень к вершине самосовершенства вовсе не секрет для соратников.

Теперь поздно сомневаться в их осведомлённости, как и задавать вопрос, откуда они узнали или поняли чужую тайну. Гораздо важнее другое: сколько неповторимых и чрезвычайно дорогих сердцу ценностей лично он потеряет от принятого в непростой борьбе с самим собой решения. Что придётся обнаружить на алтаре собственного поступка – дружбу, доверительное отношение, уважение или ещё что-то, пока неизвестное?

Анлезиец до сих пор жалел о тех простых, но приятных вещах, которые стали ему недоступны после принятия второго цикла. Поднятие на первую ветвь незаметно и бесповоротно лишило парня милых, беззаботных вечеров, когда он с компанией друзей валялся в мягкой

траве на берегу тёплого озера и по полпериода залиvisto хохотал над незатейливыми шутками и байками сверстников.

Вскоре после обретения второго цикла Васт обнаружил, что шутки повторяются с ужасающей частотой, а незатейливые байки в конце концов сводятся к одной теме, какие пустоголовые у них подружки. Он стал намного реже приходить на любимое место и всё тише и неохотнее смеяться над знакомыми рассказами. А потом и вовсе перестал туда являться, когда заметил, как его присутствие чуть-чуть стесняет друзей. Не бывших, нет, просто немного отдалившихся.

Третий цикл он принял, когда влюбился в Яргелли и узнал, что она уже обогнала его по возрасту и собирается уйти на Сузерд. Тогда это было хоть и вынужденное, но правильное решение. А вот сегодня... он поступил так, не найдя другого выхода из ловушки, в которую сам себя загнал. И теперь Васту остаётся только смиренно ждать, какими потерями и разочарованиями обернётся для него это важное для любого анлезийца событие.

– Васт, – чуть внимательнее, чем обычно, глянула моряна и сразу привычно спрятала и глаза, и эмоции, – посмотри свежим взглядом на наш план и скажи, где в нём слабые места.

Вот как, с лёгкой ехидцей отметил про себя анлезиец, друзья пытаются проверить, не стал ли он другим? Более надменным или равнодушным? А может, вообще ждут, что он отстранится от этого дела и отправится на родину? Или начнёт вещать стихами?

Ливастаэр неслышно прошагал к столу, и исподтишка наблюдавшая за ним Ярослава невольно отметила, что ходить он стал ещё легче, словно изменился не только морально, но и физически. Хотя а кто его знает? Сведения моряны наверняка собраны из рассказов моряков и вездесущих купцов, а не откровений самих полукровок. И вполне вероятно, что и наполовину не соответствуют истине.

– Мы подлетим вот отсюда. – Стан повёл пальцем по разложенному на gobелене секретному плану замка и окружающего его парка, выданному адмиралом. – Хумили будут ждать сигнала тут. Тхиппы подберутся вот с этой стороны...

– А дождь к тому моменту прекратится или ещё будет лить? – на миг обернулся к моряне лучник и с удовольствием поймал лёгкое изумление, искривившее её губы. Королева никак не ожидала, что кому-то могут быть известны такие способности морян. – Если прекратится, то на фоне светлеющего неба хотомар будет издали виден охране. Как я слышал, обзорные зеркала на башнях ставят особым образом, позволяющим рассмотреть окрестности, не выходя из караулки. И вряд ли опытные воины побегут во двор смотреть на прилетевших гостей, скорее затаятся и будут ждать их в надёжных укрытиях стен и галерей. И ещё, зелье – это, конечно, очень хорошо, если достаточно времени. Побрызгал и жди, пока все не уснут. Но мы же хотим спасти захваченных офицеров? И значит, должны будем проникнуть туда сразу же вслед за зельем, поэтому должны учитывать, что вряд ли сон свалит всех разом. Значит, те, кто не успел заснуть, обязательно насторожатся и начнут пить противоядие и вообще станут осторожнее и бдительнее вдвое, если не втрое обычного. Да и советник вряд ли не озаботился за многие годы подготовки найти и взять в союзники или помощники хоть одного из тех, у кого есть особые способности. И судя по наглости и самоуверенности Урdejиса, я могу предположить, насколько неожиданный и подлый сюрприз ждёт нас в замке. И боюсь, подготовиться к нему заранее у нас нет никаких шансов.

– Да, – хмуро сообщила анлезийцу моряна, – ты прав. Во всём. И дождя к утру уже не будет. Да и другого плана пока у нас тоже нет. А у Инварда нет никакой власти над войсками...

Пока повелительница рассказывала про происки советника, Васт задумчиво рассматривал план и воскрешал в памяти виденные когда-то строгие башни и стены, внушающие каждому новичку невольный трепет высотой и гладкостью. Лучник отлично рассмотрел в тот визит и выступающие наружу перекрытия галерей, не позволяющие воспользоваться ни лестницами, ни крыльями, и открывающиеся в самых неожиданных местах площадки для сброса камней

и углей, и люки для слива кипятка и смолы. Если охранникам советника удастся заметить хотомары, они немедленно заподозрят присутствие под стенами воинов ударных отрядов и приведут в действие весь свой арсенал.

– Я предлагаю поступить иначе... – Разумеется, Васт отлично понимал, как дружно они начнут возмущаться и спорить, однако и не предложить такой дерзкий и рискованный, но единственно жизнеспособный план не мог.

– Никогда, – даже не дослушав, оборвал Тарос, – и можешь дальше не продолжать. Как тебе вообще такое в голову пришло? А ты подумал, что может случиться, если у советника действительно есть человек, обладающий способностями? И он сможет прочесть твои эмоции? А потом ещё и увидит твой амулет верности? Про то, как могут повернуться события, если вас разоблачат, я даже говорить не хочу. Всё, забудь... я против.

– Амулет я оставляю тут... а эмоции теперь могу закрывать, – неохотно признался Васт, – но зато это самый бескровный вариант.

Смотреть он предпочитал на морянскую повелительницу, упорно стараясь не сталкиваться взглядом со Славой. Если уж Тарос так на него накинулся, то как истово должна ненавидеть она? Хотя это и не должно теперь особо волновать Васта, он же отныне выше всех прежних сомнений и забот?!

Да, попытался прислушаться к своим обновлённым ощущениям Ливастаэр, как будто и вправду не волнует, хотя он пока сам не понял, приятно ему такое безразличие или не очень. А вот пробивающееся сквозь равнодушие незваное чувство стыда, словно он влез в чужую клумбу и без спросу пытается нарвать самых любимых цветов садовода... казалось лучнику глубоко неправильным.

Тут анлезиец совершенно не к месту вспомнил, как пышно расцвели все растения в оранжерее и как от неожиданности он испугался в первый момент. А потом ему стало смешно и пришло понимание, что не зря ему так не хотелось выходить в сад. Вот тогда бы точно весь отряд охраны, разместившийся по приказу адмирала внутри приюта, прибежал посмотреть на чудо, ошеломившее даже самого Васта. Помнится, когда он переходил во второй цикл – только клевер зазеленел на расстоянии вытянутой руки. Он очень любил потом там сидеть, потому что в округе травка лишь пробивалась после короткого периода зимнего покоя. Третий цикл ознаменовался дружно созревшими гроздьями малины, в кустах которой он тогда устроился, и это тоже было в пределах нормы. Но вот почему так бурно отреагировали растения в этот раз, самому Ливастаэру никогда не понять, а до мудрых старейшин не только полтора десятка дней пути, но и куча незавершённых дел, которых от его решения повзрослеть намного меньше не стало.

Знакомое тепло согрело амулет, предупреждая о приближении подопечной, и неожиданно это оказалось настолько славно, что анлезиец едва удержался, чтобы не разулыбаться. После ритуала амулет некоторое время молчал, и Васт почти поверил в потерю не только многих привычек и переживаний, но и данных на крови обязательств.

– Интересно, а почему это вы тут что-то обсуждаете, а нас не позвали? – бесцеремонно врываясь в гостиную, обвинила всех разом Тина и с маху шлёпнулась рядом с матерью, не замечая пока, как растерянно отводят от неё взгляды присутствующие. – Ма, а ты же вроде спать пошла?

– Не уснула... – Ярослава внимательно изучала Костика, материнским чутьём угадывая секрет, который он пытался скрыть под легкомысленной шумливостью, – ну-ка, дай мне руки... ну точно, холодные. Моряна, иди, помогай, сама я пока не очень умею... похоже, она хорошо погуляла...

– А потерпеть денёк не могла, – бесцеремонно втискиваясь между ними, с укоризной проворчала в ответ правительница, – ведёт себя как ребёнок... а Васт ещё такие серьёзные планы с её участием изобретает... разве она теперь сможет?

– Вот именно, – поддакнул квартерон, не сразу сообразивший, что после такой подначки Тину уже и хутомом не удержать, – сумасшедший план, и говорить о нём не стоит.

– А вот отсюда поподробнее и помедленнее, – сузив глаза, пробормотал Костик ставшее почти пословицей выражение, – и лучше пусть сам Васт расскажет. Давай, друг мой, не стесняйся.

– Если ты уверена, что я ещё друг, – не удержался от лёгкого сарказма анлезиец, тоже заметивший наконец, как выжата его подопечная.

– Вот только без глупостей, – укоризненно фыркнул Костик, – терпеть не могу разборок типа, ты меня уважаешь? Колись, я жду. Слушай, моряна, ты просто чудо... как три чашки чёрного кофе подряд...

– Лучше бы ты не тратила сил перед боем, – тихонько буркнула моряна и одобрительно кивнула анлезийцу, ясно давая всем понять, что его замысел понравился ей больше прежнего плана.

Ярослава только украдкой огорчённо вздохнула – больше всего ей хотелось сейчас встать рядом с Таросом и так же, как он, кричать категоричное – нет! Вот только по глазам старших она уже всё поняла и даже на миг не сомневалась в выборе Тина. Теперь он обязательно вцепится в предложение этого трансформированного полуэльфа. И спорить с ними – значило встать против, а мать всегда должна быть за детей, даже когда они творят глупости и хочется, не тратя на уговоры бесполезных слов, засунуть их в самую безопасную комнату и запереть на самый огромный замок. А потом идти топиться, так как проверено на практике, никто тебе после такого спасибо не скажет. Наоборот, оскорбятся, обидятся и произведут в главные враги и предатели. И никакого третьего пути нет, как ни больно и горько это осознать.

– Я предлагаю, – с решимостью человека, шагающего с обрыва, спокойно начал объяснять анлезиец, и Ярослава внезапно почувствовала уважение к его непреклонности и мужеству.

Невероятно трудно вот так уверенно отстаивать своё мнение, зная, что в одночасье превращаешься из лучшего друга в злейшего врага самым дорогим тебе людям.

Анлезиец на миг запнулся и невольно глянул на землянку изумлённо расширившимися глазами, однако она уже на него не смотрела, повернувшись к сыну. И блондину осталось лишь взирать на белизну её шокирующе голой спины. Да пытаться сдержать мгновенно вспыхнувшую в душе панику: ну как же так, ведь этого просто не должно быть!

Глава 7

Стук в ворота, несмотря на глухую предутреннюю пору, не застал врасплох никого из дежуривших на привратной башне. Наёмники ещё издали заметили всадника на панге, мчащегося в сторону замка Амратион. По приказу бессменного советника выбитая в скалах дорога сияла в эту ночь фонарями, как в самый великий праздник.

И маленькую стычку незнакомца с гвардейцами, перегородившими пикетами все подходы к ошетилившимся оружием стенам, тоже не пропустили. Он здорово дрался, этот незваный гость, мелькал в свете фонарей летучей мышью, ловко орудуя сразу двумя клинками. Трое гвардейцев остались корчиться на земле, а он, вскочив на панга, помчался к воротам, нещадно подгоняя и без того стремительное животное.

– Чего нужно? – грубовато спросил из-за густой решётки похожего на бойницу оконца старший караула, не забыв перед этим приказать подчинённым открыть малые ворота.

Во всех случаях не стоило оставлять незнакомца на улице, гвардейцы, утащившие в темноту своих раненых товарищей, уже опомнились и толпой мчали к замку, горя справедливой мстостью.

– Пусти – и узнаешь, – с вызывающей насмешливостью откликнулся гость и, заметив распахнувшуюся дверцу, резко пнул своего панга.

Как и предупреждал Инвард, оказались они не во дворе и даже не перед второй решёткой. Тесный и низкий коридор резко сворачивал в глубь стены и был настолько узок, что проехать по нему под прицелом не менее десятка амбразур мог лишь один всадник.

– Оружие брось, – приказал скрытый за бойницей страж.

– Я не сдаваться приехал, а предложить свои услуги, – неуступчиво отказался анлезиец и гордо задрал повязанную чёрной банданой голову, – или ты не слышал, что наш народ никогда не бросает своё оружие?

Теперь старший мог отлично рассмотреть благородные черты красивого лица, в которых даже житель самой дальней деревушки сразу узнал бы полукровку великой расы. И про обычаи блондинов он не просто слышал, а лично был знаком с несколькими представителями этого народа. Именно поэтому так резко изменил принятое несколькими мгновениями ранее решение до утра отправить приехавшего в подвал. Благо там разных каморок и чуланчиков хватит ещё не на один десяток желающих.

– Проведите его в малый зал и доложите десятнику.

Однако десятнику успели донести и без его приказа, и старший не мог не догадываться кто. Почти треть охранников замка была одета в особые одинаковые серые жилетки, и командир, отправляя очередную группу наёмников в дозор, обязательно разбавлял её одним из «серых».

– Иди за мной, – скомандовал десятник, наблюдая, как выехавший из узкого прохода полукровка спрыгивает с панга и легко забрасывает на плечо безвольное худенькое тело, и махнул пятёрке сопровождавших его «серых».

Наёмники достали дротики и умело выстроились вокруг гостя на таком расстоянии, чтобы он не смог никого достать даже в прыжке. А даже если и сумеет добраться до кого-то одного, то остальные пятеро успеют сделать из него решето.

В малый зал анлезийца провели через гулкий от пустоты холл центрального входа, миновав арочную галерею и продолговатый зал, куда спускалась лестница с верхнего этажа и выходило не меньше полдюжины дверей.

Здесь было светло от расставленных по полкам драгоценных цилиндров, которыми так остроумно воспользовался советник, и высилась изящная, но прочная кованая решётка, перегородившая помещение на две неравные части. В меньшую, где стояла только длинная

и широкая скамья, покрытая гобеленом, вела узкая дверца на которую красноречиво указал анлезийцу десятник.

И про это помещение адмирал рассказал новому командиру королевской охраны более чем подробно, справедливо предположив, что ради одного перебежчика придумывать новые правила досмотра и проверки никто не станет.

Чуть пригнувшись, чтобы не ударить о решётку спящую Тину, лучник невозмутимо прошёл в клетку и положил девушку на скамью, даже не оглянувшись на звук запирающего дверцу ключа.

Десятник, и сам человек мужественный и бесстрашный, покосился на перебежчика с невольным уважением, хотя обычных предателей глубоко презирал и за людей никогда не считал. Однако как человек вдумчивый и осторожный, а другие до такой должности редко доживают, не мог не знать, что бывают обстоятельства, которые вынуждают на подлые и некрасивые поступки даже самых честных и порядочных людей. А анлезийцы, по его глубокому убеждению, относились именно к такой категории.

– Сейчас придёт господин советник, – буркнул он грубовато, – он сам решит, как с вами поступить.

Васт только холодно кивнул, ни жестом, ни мимикой не показав своей осведомлённости о неожиданно вспыхнувшей симпатии сурового воина. Нельзя сейчас этого делать, Инвард не зря три раза повторил, что за залом можно следить из соседнего помещения с помощью хитроумных зеркал и слуховых трубок. Поэтому пусть лучше старый наёмник немного обидится на высокомерность блондина, не пожелавшего вежливо ответить на скрытую доброжелательность, чем нечаянно попадёт в сообщники.

Анлезиец скользнул нарочито безучастным взглядом по телу одетой в мужской костюм девушки и сел неподалёку, однако не настолько близко, чтобы наблюдатели могли заподозрить его в особом отношении к иномирянке. Такого допустить нельзя было ни в коем случае, безжалостный интриган немедленно найдёт самый мерзкий из всех способов, чтобы постараться принудить Ливастаэра к поступкам, на какие добровольно анлезиец никогда не согласится.

Блондин медленно закрыл глаза, словно устал от ночной скачки и яркого света, и приготовился ждать. Показывать нетерпение или волнение он тоже не имел права, вступая в игру с умным и проницательным противником, не стоит забывать о его умении использовать любое, даже самое незначительное обстоятельство в свою пользу.

И когда анлезиец ощутил наконец появление в зале человека, то далеко не сразу открыл глаза. Специально тянул до последнего, пока тот не подошёл почти вплотную к решётке и не уставился на ночных гостей пристальным взглядом.

– У анлезийца только облегчённый одноручник и анлезийский кинжал, – невыразительно и тихо доложил кому-то молодой голос, – а у спящего никакого оружия нет.

Васт открыл глаза и с лёгкой презрительной усмешкой взглянул на одарённого.

– Зря тебя будили, я мог бы и сам это рассказать, – высокомерно обронил он, пытаясь незаметно отыскать того, с кем разговаривал чувствующий сталь.

Ну а найдя, постарался удержать на лице безучастное выражение и ни невольным возгласом, ни изучением совершенно пустого на первый взгляд места не выдать собственной догадки. И ещё – накаत्याющегося неудержимой лавиной отчаяния. Ну никак не могли ни он сам, ни мужественный адмирал и ни мудрая моряна заранее предположить, кто именно окажется в союзниках у старого интригана.

Теперь Васт с необычайной отчётливостью понимал, в расчёте на какую тайную гарантию так дерзко выступил против закона и армии осмотрительный советник и почему он так уверен был в успехе.

И вовсе не о помощи заключённым в подвал офицерам были отныне стремительно метавшиеся в белокурой голове отчаянные мысли, а о спасении той, кому он поклялся верностью

на крови. У анлезийца не оставалось больше никаких сомнений, что их дерзкая попытка переиграть советника потерпела сокрушительное поражение, едва столкнувшись в самом начале так тщательно просчитанного плана с неожиданностью, которую невозможно было предусмотреть и перед которой не было шансов выстоять.

– Ну так ты ведь и сам бы посмеялся над старым денежным мешком, Ливастаэр из рода Сиреновой лозы, – добродушным тоном любящего дядюшки попенял кругленький, безобидный на вид старичок, выходя из скрытой за внушительным шкафом неприметной двери, – если бы тебя не проверили в этом замке.

– Прошу простить, ваша милость, но вы ошибаетесь, я никогда не смеюсь над теми, кто хорошо знает обычаи моей родины. – Васт смотрел на подходящего к решётке советника прямо сквозь то место, где скрывался невидимка, с самым честным и невозмутимым выражением лица.

– Может, ты ещё скажешь мне, что предательство тоже входит в обычаи твоей родины?! – резко меняя интонацию, язвительно осведомился советник.

– Никогда, – резко поднявшись на ноги, замер гордой статуей блондин, – я не скажу такого и никогда не предаю того, кому присягнул. Зато могу напомнить о священном праве каждого анлезийца отомстить за смертельное оскорбление!

– Неужели мне неправильно доложили? – неискренне изумился Урдежис и повелительно махнул рукой: – Кресло и заместителя Инварда.

Наёмник в серой жилетке, какие, как успел заметить Васт, носили тут только особо приближённые к советнику воины, мгновенно притащил удобное мягкое кресло с высокой спинкой и подсунул прямо под зад господина.

Тот, кого невозможно было рассмотреть даже в свете цилиндров, но кто непременно оставил бы тень, попав под солнечные лучи, мгновенно отступил за спинку этого кресла, позволив анлезийцу чуть-чуть расслабиться. Это, казалось бы невинное, действие невидимки вселило в сердце лучника крошечную, почти призрачную надежду.

Стало быть, не так он силён, если может продержаться полный щит всего несколько минут, этот неожиданный союзник Урдежиса. И тот факт, что он старательно прячется под энергетическим щитом, не желая открывать лица или кинуть хоть малейший намёк на своё присутствие, тоже говорит о многом. Однако, отметив про себя эти странности, Васт пока не торопился делать окончательные выводы. Влипнув в болото одной ногой, только последний тупица тут же суёт туда и вторую.

Глава 8

– Вот он. – Двое наёмников грубо швырнули на пол перед советником мужчину со связанными руками.

Хотя пленник был одет в офицерскую гвардейскую форму, испачканную кровью и порванную в нескольких местах, Васт не решился бы утверждать с полной уверенностью, что это и есть тот строгий и подтянутый офицер, который встретил его несколькими днями ранее во дворце адмирала. Да и те, кто знал гвардейца гораздо лучше анлезийца, вряд ли рискнули бы ответить однозначно, увидев заплывшее от синяков лицо.

– Кто это? – не преминул выказать свои сомнения Васт.

Анлезиец предпочитал придерживаться простого правила: никогда, даже в мелочах, не верить тем, кто хоть раз показал себя подлецом или обманщиком. А советник отлично подошел сразу под оба этих определения.

– У тебя вроде с собой целительница? – небрежно предложил Урдежис. – Вот и давай проверим её способности, а заодно увидишь, кто это. Бросьте его туда. – Последние слова прозвучали жёстким приказом.

– Пока мы не договоримся по основным пунктам сотрудничества, – снова сел на своё место анлезиец, – моя подопечная не станет никого лечить.

– Как интересно, – язвительно прищурился Урдежис, наблюдая, как воины в серых жилетках послушно выполняют его команду, не обращая при этом никакого внимания на анлезийца, – и давно она твоя подопечная?

– С тех пор как вышла замуж за моего воспитанника. Он взял с меня священную клятву её защищать, – хмуро буркнул Васт, стараясь врать как можно правдоподобнее.

И одновременно тщательно следя за тем, чтобы случайно не дать советнику возможности немедленно проверить его заявления. Если старик уцепится за самую незначительную оговорку, к его услугам будут почти неограниченные средства и любые способы, какие только можно представить.

– Чем ты можешь это подтвердить? – Советника не так-то просто было поймать на такую примитивную ложь.

– Вы можете увериться в правоте моих слов, просто вспомнив недавние события. Как, по-вашему, зачем мне нужно было являться во дворец этого ретивого служаки, если я к тому времени расторг контракт с харифом? Ради чего я потом терпел оскорбительный допрос повышенной степени жестокости? Чтобы в результате очнуться валяющимся в башне для преступников? – Анлезиец позволил своему голосу задрожать от ярости, а лицу исказиться ненавистью.

– Но раз ты присягнул ей на верность, то зачем притащил девчонку сюда? – Урдежис ни одним движением хитрого пухлого личика не выдал своих истинных чувств, однако бдительно следивший за его аурой анлезиец не мог не распознать появившегося в ней одобрительного интереса, и понял, что у него, возможно, появился шанс немного протянуть время и тем самым спасти хотя бы Тину.

Они так и сказали, когда сажали их на пангов, эти невероятно похожие на мать серыми глазами парни:

– Васт! На самый крайний случай... самый, понимаешь?! Запомни, мы всё равно придём на рассвете... и неважно, будет от вас сигнал или нет. Даже наоборот, если его не будет – мы придём обязательно, и никакие стены нас не остановят. Вы только продержитесь... пообещай.

А она вообще стояла молча и просто смотрела, ещё даже не догадываясь об истине, непреклонность которой он уже полностью осознал.

Нет, и никогда не будет у практичного и осмотрительного занийца ни одного шанса из тысячи быть рядом с ней.

Как нет его ни у одного из всех остальных мужчин этого и соседних миров. Такова уж непреложность, если вошедший в четвёртый цикл развития анлезиец в какой-то миг окончательно признает человеческую женщину истинной половинкой своей духовной сути, то он делает всё возможное и невозможное, чтобы эти половинки больше никогда не расставались.

– Только затем, чтобы у меня было чем доказать тебе свою искренность. Ведь вы, люди, не верите ни репутации, ни честному слову, ни законам рода. Вам обязательно нужен залог, и чем он весомее, тем больше ваша вера. Вот я и привёз то, за чем ты так упорно охотился. – Анлезиец бросал в захватчика фразы веско и чуть презрительно, точно зная, сейчас он имеет право высказать всё это развалившемуся в кресле интригану, не пряча своего отношения за притворной вежливостью и почтительным обращением. – Можешь спорить, можешь признаться честно – от этого ничего не изменится. Я чётко осознал – тебе нужна именно она, когда сопоставил все неприятности, преследовавшие нас в пути. Ведь именно ты специально внушил мысль о глупой фиктивной свадьбе своей племяннице, чтоб она руками адмирала привела тебе Тину. А поскольку ему ты совершенно не доверял и к тому же боялся, как бы он не прозрел прежде, чём успеет отдать тебе иномирянку – то послал своих людей перехватить нас по дороге. Поэтому всё будет честно, ты получишь её... не навсегда, разумеется, и не для того, чтобы женить на ком-то замужнюю женщину. Она сделает то, ради чего ты желал её заполучить, и уйдёт к своему мужу... и только после этого ты отдашь мне адмирала. Я готов подождать... месть, как вино, чем выдержаннее, тем вкуснее.

– И ты предлагаешь мне ждать утра, поскольку адмирал будет у меня в руках только в тот час, когда солнце встанет над головой?! – саркастически ухмыльнулся Урдежис.

– Когда я такое сказал? – искренне изумился Васт. – Наоборот, это я готов дожидаться своей награды.

– И ты совершенно не боишься, что, получив девчонку, я запру тебя тут и забуду... очень надолго? – Советник пытался припугнуть блондина, но тот видел, как вспыхивают и гаснут в его ауре отблески доверия и надежды, и впервые в жизни жалел о невозможности распознать и отрицательные эмоции. – Или ещё проще, расскажу ей, как ты её продал... несомненно, с согласия её мужа, и тогда она сама не захочет к нему возвращаться.

– Разумеется, ваша милость может сделать любую гадость, – снисходительно усмехнулся Ливастаэр, искренне наслаждаясь каждой возможностью бросать захватчику правду прямо в лицо, маленькая, но такая сладкая месть, – но я никогда не поверю, что вы и в самом деле позволите себе такую глупость в данном случае. Я же не первый десяток оборотов живу на Сузерде, чтобы, отправляясь сюда, не предпринять никаких мер предосторожности. Думаю, вы представляете, какие неприятности могут произойти в королевстве примерно через луну, если завтра вечером мой друг Эгзайлез из клана Цветущей ветви не дожждётся меня в условленном месте?! И ещё, сушая мелочь, разбудить Тину не удастся никому, кроме меня. А я этого не сделаю, пока не получу в знак заключения соглашения каплю вашей, несомненно драгоценной, крови. О том, что бесполезно пытаться заставлять анлезийца говорить против его воли, вы, разумеется, осведомлены.

В этот раз советник молчал намного дольше, сверля невозмутимого блондина подозрительным взглядом. За долгую, наполненную интригами и коварными замыслами жизнь он установил для себя не один десяток правил и запретов и всегда следовал им с неукоснительной точностью. И одним из главных был запрет на любые клятвы, особенно связанные с кровью. Это было противно всей его лживой сути, давать честное слово и знать, что его обязательно придётся держать, не попытавшись обмануть или забыть про расплату.

– Время уходит, – безразличный шепоток, донёсшийся из-за спинки кресла и рассчитанный только на советника, анлезиец расслышал прекрасно, второй раз за ночь порадовавшись принятому вчера решению перейти очередную грань.

– Хорошо, – тяжело и неохотно выдавил Урдежис, – я согласен. Но ты выйдешь сюда без оружия, колоть себе руки я могу позволить только собственным ножом.

– Соглашение достигнуто, – особым, мелодичным голосом провозгласил анлезиец, торопясь закрыть торги, пока хитрый советник не придумал ещё каких-нибудь условий.

Дежуривший в сторонке наёмник немедленно отпер замок и, отойдя на несколько шагов, замер с самой невозмутимой физиономией. Словно и не дрожало внутри его жадное любопытство и почти восторженный интерес, ведь далеко не каждый день преданным охранникам приходится наблюдать за такими странными переговорами. И такими дерзкими, на грани самоубийства, собеседниками всемогущего советника.

Ливастаэр ухмыльнулся про себя, он и сам с удовольствием посмотрел бы на эту перебранку со стороны, как те, кого он постепенно отыскал за потайными бойницами и дверями. И спокойно шагнул к ведущей на свободу дверце, ни на гран не веря в окончательное решение советника. Наверняка тот попытается ещё хоть разок испытать ночного гостя на прочность.

И ошибся, к своему великому изумлению. Видимо, и в самом деле у заговорщиков было туго со временем, а может, Урдежис просто не решался спорить с невидимым союзником. Во всяком случае, руку он блондину протянул хоть и неохотно, но бесстрашно, держа во второй крошечный ножичек из тех, какими утончённые дворцовые модники пресыщенно ковыряют персики и груши.

Ливастаэр не позволил себе в такой ответственный момент ни тени усмешки или непопечительности, вежливо принял и то и другое и, не медля ни секунды, легонько кольнул кинжальчиком ладонь старичка. Вернул смешное оружие владельцу и, обмакнув палец в вишнёвую бусинку, начертал на ладони загадочную загогулину, не похожую ни на одну из ваальтских рун, одновременно шепча какие-то не менее таинственные слова.

– Что это за знак? – запоздало запаниковал советник. – Я таких никогда ещё не видел. А я читаю трактаты ваших мудрецов.

– Всё королевство наслышано о вашей начитанности и учёности, – умело польстил анлезиец, не собираясь никому объяснять, что на Сузерд могут попасть лишь сочинения анлезийцев, не переступивших границу второго цикла, – но это не анлезийские письма, а моя личная подпись. Ничем страшным она вам не грозит... если не вздумаете нарушить договор.

– Попробую поверить, – мрачно проворчал самозванец, наблюдая, как исчезает написанный на ладони символ и закрывается крошечная ранка, – а теперь буди иномирянку.

– Уже иду... – Васт и в самом деле шёл к перегородке, – только должен предупредить... она ничего не знает. И вряд ли обрадуется, увидев, где оказалась. Поэтому договариваться с ней вам предстоит самому. Но не забудьте, к мужу она должна вернуться живая и невредимая.

Рассказывать о том, что муж и сам скоро явится сюда и если увидит на руках или лице Тины хоть царапинку, то не поздоровится первым делом самому Васту, было по меньшей мере преждевременно.

– Нет... не здесь, – когда анлезиец вынес подопечную из-за решётки, остановил его Урдежис, – девочка испугается... если проснётся тут. Хельм, проводи его в розовую спальню для гостей... и поставь в коридоре арбалетчиков. Кстати, Ливастаэр, а где твой знаменитый лук?

– Ждёт меня в надёжном месте, – ответил правду лучник, – я пока ни с кем воевать не собираюсь.

– А как же те гвардейцы, которых ты порубил по дороге сюда?!

– Я никого не ранил смертельно, хорошие целители поднимут всех на ноги за несколько дней, – снова сказал правду Васт, хотя подыгравшие ему воины должны были вернуться в строй намного раньше. – И они первые на меня напали, я только защищался.

Мгновенно заподозрив подвох, советник смерил его долгим испытующим взглядом и тайком вздохнул. Нет, ничего не разобрать на кротком и открытом лице анлезийца, смотрит невинно, как девочка, пришедшая в храм на посвящение в честь первого совершеннолетия. Продолжать расспросы Урдежису не хватало времени, советника ждало несколько очень важных неоконченных дел. Нужно было проверить и подписать указы, продиктовать письма тем знатым господам, на чью поддержку он рассчитывал, и закончить допрос пойманного шпиона адмирала.

А ещё обязательно постараться вырвать хоть осмущку периода на общение с этой своеправной иномирянкой... иначе потом может оказаться поздно. Как и все обычные люди, советник имел слабость... или, скорее, страсть. И если у мелких людишек и страсти мелкие, то его была огромной и всепоглощающей, и ради неё он уже много лет рвался к власти над королевством.

Розовая спальня была освещена по старинке, метавшимися от лёгкого сквозняка мотыльками огня на душистых витых свечах, и этот самый сквозняк преданно доложил блондину о тайных щелях и дырках, через которые комната прекрасно просматривается и прослушивается. Впрочем, адмирал не забыл их предупредить, что подсмотреть в замке нельзя только за королевской опочивальней, основатели рода ле Амратион, строившие замок, до конца не доверяли никому. И, как показывает история, правильно поступали.

Сгрузив Тину в пышные оборки кружевного покрывала, Васт начал нараспев читать один из старинных анлезийских рецептов снадобья от отравления грибами, водя руками над умиротворённым девичьим лицом, ухмыляясь про себя доверчивости советника. Даже самого прожжённого интригана оказалось очень легко поймать на байки о загадочных ритуалах потомков ваальтов. Хотя истинных ритуалов всего дюжина и никто из полукровок даже под страхом смерти никогда не выдаст их сути и значения. И только один их самых простых, переход в старший цикл, удалось наблюдать редким счастливым, но никто из них полностью не понял всей его сути.

Постепенно ускоряя и запутывая рваный ритм движений и звуков, анлезиец умудрился с ловкостью фокусника провести по губам подопечной краем рукава, обильно вымоченным в морянском зелье и затем тщательно высушенным. Прислушался к изменившемуся дыханию, к пробуждавшимся неясным эмоциям и, довольно ухмыльнувшись, резко закончил спектакль для соглядатаев.

Устало откинулся на спинку кровати и приготовился ждать.

Глава 9

Костик просыпался нехотя, уставший организм не успел отдохнуть как следует, да и не способствуют отдыху затянутые на поясе ремни и туго зашнурованные ботасы. Одежду для него собирали особенно придирчиво, ничто не должно было в неположенное время развязаться или помешать.

В мозгу постепенно прояснялось, и едва Костик вспомнил горьковатый вкус сонного зелья и припомнил, где он должен был очнуться, как мгновенно проснулся окончательно. Распахивая глаза, резко сел и начал лихорадочно себя ощупывать, чтобы убедиться в собственной сохранности.

Необходимость пить сонное зелье оказалась самой ненавистной для Костика частью плана, но Васт стоял на своём твёрдо.

– Советник далеко не дурак, и раз он имел повсюду своих людей, значит, наверняка знает наизусть про все твои выходы и твоё невыносимое упрямство. И никогда не поверит, что мне удалось тебя запугать или уговорить ехать молча и не сопротивляться. Но я даю тебе честное слово, ты проснёшься рядом со мной в целости и сохранности.

– Всю жизнь мечтала, – ехидно поклонилась тогда Тина, – просыпаться рядом с манекеном из дорогого бутика. А вдруг я проснусь рядом с советником?

– Можешь сразу его убить, – прорычал позеленевший от такого предположения Тарос.

– Кого, советника или Васта? – заинтересовалась девушка.

– Обоих, – мстительно разрешил кварталерон и от полноты чувств в кашу раздавил яблоко, которое крутил в руках.

– Обоих не получится, – хладнокровно отрезал Ливастаэр, – если она проснётся рядом с советником, значит, меня уже убили.

– А если не убили, найду и надаю по морде, – кровожадно пообещала иномирянка, пытаясь скрыть грызущую душу тревогу.

Поддерживало веру в благополучное завершение этой аферы только одно: мать, отлучившаяся на несколько минут в соседнюю комнату по какому-то важному делу, вернулась задумчиво-спокойной и ни одного слова против сумасшедшего плана больше не произнесла. Успокоилась и моряна, посматривавшая на Славу с затаённым любопытством, но не решавшаяся задать видящей прямого вопроса.

Едва убедившись в своей сохранности и сообразив, что Васту удалась первая часть плана, Тина вспомнила про небольшой скандал, который она должна закатить ради достоверности, и уставилась на анлезийца рассерженной пантерой.

– Где мы находимся? Как я тут оказалась, красавчик? – Спрыгнув с постели, девушка подступила к блондину и размахнулась, пытаясь изобразить пощёчину.

Васт оказался быстрее, легко увернулся от удара и отскочил в сторону.

– Я всё сейчас объясню... только пообещай успокоиться и не размахивать руками. Будь умницей, Тина... не скандаль... это всё равно тебе не поможет. Я сейчас уйду, а сюда придёт человек, который нуждается в твоей помощи... как целительницы, я думаю. Ведь это святая обязанность целителей – помогать страждущим.

Продолжая увещевать подопечную, анлезиец неприметно продвигался к выходу, но Костик этот манёвр разгадал сразу и в два прыжка оказался рядом с дверью. Распахнул и замер, увидев пятёрку арбалетчиков, стоящих против дверей со взведённым оружием.

Почти полминуты Тина удивлённо рассматривала невозмутимо уставившихся на неё наёмников, с каждой секундой всё отчётливее понимая, как ошибалась, сочтя попытку обмануть советника удавшейся. Судя по хмурым ромам охранников, события пошли совершенно

не так, как они предполагали. И значит, её бывший командир действовал не по основному плану, по которому Васт собирался представить взбалмошную иномирянку собственной любовницей, готовой поступить на службу к новому монарху, лишь бы он помог Тине избавиться от ревнивого мужа и его браслетов.

Всем известно, тех, кто присягает добровольно в первые дни переворота, не принято встречать шеренгой стрелков.

– Так, а это ещё кто такие? – Сообразив, что молчит слишком долго, Тина решительно отвернулась от лучников и разъярённой кошкой набросилась на анлезийца: – Ты вообще чего задумал, мачо гламурное?

Васт на всякий случай отступил к середине комнаты и успел даже мысленно похвалить Тину за хорошую игру, как вдруг пол под его ногами стремительно разошёлся и анлезиец провалился вниз.

Обычный человек успел бы только взмахнуть руками, а Васт сумел сгруппироваться и метнуться в сторону. И тут же со стоном рухнул назад, ударившись головой и плечом о быстро уходящие ввысь гладкие стенки шахты.

– Чёрт подери, а это ещё что за фокус? – поразился Костик, осторожно заглядывая за край колодца и понимая, как бы ни хотелось закричать «Где ты Васт?» – делать этого нельзя ни в коем случае.

– Оригинальная у вас архитектурка! – только и сумел выдавить потрясённый коварством нового хозяина замка парнишка.

– Я рад, что тебе понравилась, – насмешливо сообщил чей-то приторно слащавый голос, – но всё же отойди от края, жаль будет, если ты сломаешь такие красивые ножки.

– Чего? – оскорблённо оглянулась Тина и обнаружила стоящего за спинами арбалетчиков благообразного старичка. – Собираетесь и меня туда бросить? Так я и сама могу прыгнуть.

– Не стоит. Твоим дружкой уже занимается опытный палач, работа у него такая, сразу приниматься за тех, кто попадает в подвал этим путём. И тобой тоже займётся... боюсь, я не успею добежать до пыточной, чтобы предупредить о произошедшей ошибке.

– Ты мне угрожаешь? – лихорадочно пытаюсь сообразить, чем бы помочь блондину, прищурилась Тина и незаметно обвела взглядом помещение, надеясь найти хоть какое-нибудь оружие.

Разумеется, она и без оружия сумеет добраться до подлого старикашки и убьёт его, даже если в ней в тот момент будут торчать все пять болтов. Жаль только, рядом нет Тароса, было бы так заманчиво снова воспользоваться силой браслетов.

У её ног раздался тихий шелчок, девушка машинально взглянула вниз и обнаружила исчезновение дыры. Кусок пола вернулся на место, плотно вписавшись в орнамент паркета, и если бы не резко оборвавшаяся длинная размазанная кровавая полоса, Костик не смог бы точно сказать, где проходит граница страшного лифта.

– Не угрожаю, а пытаюсь пояснить, что будет с каждым, кто попытается меня обмануть. – Голос старичка внезапно стал резким и злющим. – А теперь ты пойдёшь туда, куда тебе скажут, и сделаешь всё, что тебе прикажут. И предупреждаю: не вздумай хитрить или обманывать, за каждую попытку тебе будут приносить по пальцу твоего телохранителя.

– Нет! – Теперь Тина знала точно: старичка обмануть не удалось и Васт действует по запасному плану, главная задача которого постараться как можно дольше тянуть время.

И есть только один-единственный способ, как этого достичь, и впервые за всё пребывание Костика в чужом мире его женское тело должно не мешать, а помочь.

Арбалетчики вытаращили глаза, а стоявший неподалёку от мятежного королевского дядюшки десятник тихо скрипнул от расстройства зубами, когда худенькая девчонка, одетая в мужские штаны и странные пятнистые ботинки, вдруг пошатнулась и осела на пол. Упали безвольно руки, медленно поехала по стене и с глухим стуком повалилась на пол голова, подтвер-

ждая подозрения выдавшего немало обмороков наёмника, что это вовсе не искусный розыгрыш.

Впрочем, это поняли все. Скосили взгляды на побледневшего советника, несколько секунд ожидали указаний, следя, как выступают бисеринки пота на его лбу, обрамлённом тщательно уложенными подвитыми локонами.

– Распорядись... – наконец бросил Урдежис десятнику и торопливо побежал по коридорам и залам к собственному кабинету.

Ворвался, ничуть не испугав старого секретаря, привычного ко всяким его выходкам, налил в стакан воды, накапал из заветного флакончика несколько капель, проглотил залпом. И рухнул в любимое кресло, забыв отереть пузырящиеся следы зелья с побледневших губ.

– Лекаря? – осторожно осведомился секретарь.

– Иди прочь. Стой. Положи мне на стол бумаги, потом иди.

Секретарь проделал указанное с немислимой скоростью и так же шустро выскочил за дверь, не забыв плотно прикрыть за собой створки.

– Ну когда наконец ты научишься сдерживать свою несусветную подозрительность? – устало прошелестел женский голос, и на диване проявилась, словно собравшись из клочков тени, женская полупризрачная фигура.

– Он лгал. Я просто печёнками чувствовал, как он лжёт, – виновато буркнул старик, стараясь не сталкиваться взглядом с чёрными, как бездна, глазами.

– Ну допустим, – печально вздохнула его собеседница, – но это вовсе не повод немедленно бросать его в подвал. У тебя позже будет море времени, чтобы вывести его на чистую воду. Да и с девчонкой ты напрасно начал разговаривать так грубо.

– Как я мог подумать, что она хлопнется в обморок от такой ерунды? Судя по доносам агентов, иномирянка довольно крепкая и находчивая особа... – Он старательно оправдывался, но с каждым словом голос звучал тише и неувереннее. – Денесси... я всё испортил, да?

– Хотела бы я сказать нет, но пока не могу. Каждая ночь может стать последней, мне всё труднее сдерживаться. Но ведь тебя не переубедишь... ты всё делаешь по-своему. Сколько раз я была против твоих замыслов... бесполезно даже вспоминать. Каждый раз ты обещаешь всё просчитать и предусмотреть и снова совершаешь те же ошибки.

– Ты сейчас тоже лжёшь. Если бы ты не испугалась в тот раз... не попыталась его спасти, королевство было бы уже в моих руках... – внезапно всплыв, визгливо закричал на неё советник, – ты слишком добра... как будто и не дочь своего народа.

Услышав эти безумные обвинения, женщина выпрямила спину с царственным достоинством и свысока окинула холодным взглядом сжавшегося от ужаса перед собственным проступком советника.

– Я просто очень хорошо помню закон сосуществования. И точно знаю: никому не будет дела до моих или тем более твоих желаний, если следящие сочтут меня виновной во всех твоих преступлениях. И можешь не сомневаться, никого не разжалобят твои оправдания и мотивы поступков. Всё, Урд, ты преступил последнюю черту. Я выхожу из игры, и Гинло тоже.

– Нет! Нет, Денесси... умоляю... не делай этого... – Он рухнул на пол и теперь полз к дивану на коленях, заглядывая снизу вверх в непреклонное лицо, как собачонка, сожравшая хозяйский кусок окорока. – Во имя всего светлого, бывшего между нами... не нужно...

– Прекрати, – одним неуловимым движением она оказалась по другую сторону дивана, – ты же знал, ради кого я ещё с тобой. Имей мужество признаться в проигрыше.

– Но ты ведь не можешь поступить так жестоко с ними? – Старому интригану, видимо, неожиданно пришла в голову свежая идея, и его выцветшие глазки засветились детским азартом. – Дена! Эти воины, двести человек, они же поверили нам! Подумай, какая участь их ждёт... и про их семьи тоже вспомни! Инвард ведь не прощает таких проступков! Денесси...

я всё осознаю... я был не прав, я ошибался, я делал зло... но ведь у меня была причина?! И ты лучше других знаешь, насколько веская! Вспомни тот самый закон сосуществования, которым ты меня сейчас попрекала... Мы ведь не нашли в нём ни одной лазейки, кроме этой...

– Но и этой тоже нет. – Впервые за многие годы она рассматривала его внимательно и изучающе, как незнакомца, позволив себе заглянуть за собственноручно поставленные щиты и ужасалась своей слепоте. – Нет и не было, мы придумали её в тщетной надежде, что следящие оценят выгоду нашего предложения. Молчи, Урд!

Она подняла руку, запрещая ему перебивать себя, и он послушно закрыл рот, не решаясь не только сказать хоть слово, но и подняться с колен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.